

ЦЕНА РАЗУМНОСТИ

Владимир Хлебников

Цена разумности

«Автор»

2026

Хлебников В.

Цена разумности / В. Хлебников — «Автор», 2026

Философская научная фантастика о том, что разумность тоже имеет свою цену. Что делает человека по-настоящему разумным? Когда человечество получает знания, способные изменить мир, главный вопрос оказывается не в том, что можно создать. Главный вопрос — готов ли человек к собственной силе. Герой — инженер, посвятивший жизнь технологиям, которые должны были сделать мир лучше. Его открытия становятся величайшим научным прорывом в истории человечества. Но одна случайная находка заставляет его усомниться не только в собственных открытиях, но и в самом будущем человеческого вида. Чем дальше он идёт, тем яснее становится: самые опасные открытия рождаются не из ненависти, а из желания помочь. Одни открытия меняют цивилизации. Другие — ломают тех, кто их совершил. Разум без любви становится оружием. «Цена разумности» — роман о знаниях, ответственности, любви и выборе, который невозможно назвать справедливым. О выборе, после которого уже невозможно вернуться домой.

© Хлебников В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Владимир Хлебников

Цена разумности

Глава

**Разум без любви становится оружием.
Любовь без разумности — пожаром.**

Глава 1. Точка отсчёта

Возраст: 23 года Локация: Новосибирск, Россия

Меня зовут Владимир Хлебников. Мне двадцать три года, и я живу в Новосибирске. Для мира я — статистическая единица, обычный человек, никому не известный. Я работаю на заводе с восемнадцати лет. Обычный завод, обычная форма, обычный шум станков, заглушающий мысли.

Я не был гением. Я был упрямым.

Я перерабатывал за доплату, копил каждую копейку, инвестировал, рисковал. Я проиграл несколько раз в полный ноль. Были долговые ямы, были жизненные трудности, когда казалось, что дно пробито. Но в один момент я увидел нечто «новое» на рынке криптовалют. Мне показалось, что оно должно выстрелить.

Была ночь. Я сидел один в своей комнате, в темноте. За окном падал мокрый новосибирский снег, размывая огни города. В браузере светился ордер на покупку. Сумма — весь мой капитал. Деньги, заработанные бессонными ночами и годами труда на заводе.

У меня была одна единственная мысль: «А вдруг это оно?». Эта мысль светилась во мне ярче любой другой.

Пальцы зависли над клавишей Enter. В этот момент внутри произошло нечто странное. Не страх потери. Не жадность. А ощущение, что я выбираю траекторию всей жизни. Будто мир — это разветвляющийся алгоритм, и я только что стою на точке отсчёта.

Криптовалютный рынок в тот год напоминал не экономику, а религию. Люди верили, боялись, паниковали, поклонялись графикам. Я же смотрел на метрики: хэшрейт, распределение кошельков, активность крупных адресов, корреляцию с фондовыми индексами. Это не было азартом. Это было расчётом. Но решение инвестировать всё — не расчёт. Это был порог.

Я нажал.

Дальше были месяцы падений. Паника. Заголовки в новостях: «Пузырь лопнул», «Конец криптоэры». Друзья смеялись, родители не понимали, где я потерял разум. Я молчал. Я не продал.

А потом начался рост. Не мгновенный. Не фейерверк. А системный, тяжёлый, как подъём промышленной державы. Я реинвестировал прибыль. Диверсифицировал. Создал собственные алгоритмы ребалансировки. С каждым циклом я не просто зарабатывал — я учился понимать психологию масс.

И тогда я впервые осознал простую мысль: *Людьми управляет страх. Но ими же управляет и надежда. Если соединить технологию и надежду — можно изменить страну.*

Эта мысль стала моим настоящим капиталом. Деньги были лишь инструментом.

В моей жизни с этого момента внешне ничего не поменялось. Я всё так же ездил каждый день на работу на старой машине, носил ту же одежду, ел в той же столовой. Но я стал более спокойным. По вечерам и ночам я много думал, просчитывал и рассуждал, один в темноте и

тишине. Я копил и диверсифицировал. Криптовалюта помогла мне набрать огромный капитал, который позже я перелил в другие активы, и он постоянно, не спеша, множился.

Мир вокруг жил своей жизнью, не подозревая, что в одной из квартир Новосибирска уже запущен процесс, который изменит всё.

Так прошло два года.

Со стороны моя жизнь не изменилась ни на йоту. Я всё так же вставал в шесть утра, ел овсянку, садился в свою старую машину и ехал на завод. Я носил ту же одежду, здоровался с теми же коллегами, обсуждал погоду и цены на бензин. Я стал мастером маскировки. Я надел маску, которую не видно глазами.

Днём я был холодным, расчётливым и спокойным. «Володя? Да он тихий, работающий, ничего лишнего». Я скрывал от мира всё то беспокойство и стресс, которые сопровождали меня ночами. Никто не должен был знать, что у обычного заводского парня на счетах лежат суммы, способные купить этот завод вместе с директором.

Но ночь я снимал маску.

Ночью я становился другим. Эмоциональным, волнительным, живым. Ночью я рисковал всем, что у меня есть, ради будущего, которое ещё не наступило.

Эти два года между двадцатью тремя и двадцатью пятью стали самым тяжёлым испытанием в моей жизни. Огромный капитал — это не свобода, это ответственность, которая давит на виски. Каждый процент падения рынка отзывался физической болью в груди. Каждый рост вызывал не радость, а холодный анализ: «Где выйти? Куда перелить? Как сохранить?».

Я почти перестал спать. Бессонница стала моим постоянным спутником. Я ходил по комнате в темноте, освещаемой лишь свечением мониторов. Гудение системного блока было единственным звуком в квартире. Я прокручивал в голове сценарии краха. Что, если меня взломают? Что, если регуляторы запретят? Что, если я ошибся в расчётах и всё это мыльный пузырь?

Страх сжимал горло. Я хватался за голову, ходил из угла в угол, пытаясь успокоить бешеный ритм сердца. В эти моменты я не был инвестором. Я был человеком, который держит в руках гранату с выдернутой чекой и не знает, бросить ли её или прижать к груди.

Но утром, глядя в зеркало перед выходом, я надевал маску снова. Выпрямлял спину. Убирал тени под глазами холодным умыванием. Я становился Владимиром Хлебниковым, простым работягой из Новосибирска.

Эта двойственность изменила меня. Она закалила мою волю. Я научился разделять себя на две части. Одна часть живёт в мире людей, соблюдает правила, кивает, улыбается. Другая часть живёт в цифровом пространстве, управляет потоками, видит закономерности и готовит почву.

К двадцати пяти годам мой капитал достиг уровня, о котором я не смел мечтать в восемнадцать. Я диверсифицировал активы так, что они множались постоянно и не спеша, независимо от моих ежедневных действий. Деньги работали сами.

Но я понимал: просто иметь деньги — мало. Это мёртвый ресурс. Чтобы изменить мир, нужны действия.

В свой двадцать пятый день рождения я сидел в той же комнате, где два года назад нажал кнопку «Купить». За окном снова падал снег. Новосибирск спал. Но не я...

Я смотрел на графики, но видел уже не цены. Я видел инфраструктуру. Я видел устаревшие системы управления, дырявые сети, неэффективную энергетику. Я видел мир, который трещит по швам и требует обновления.

Моя маска стала частью лица. Я больше не снимал её даже наедине с собой. Спокойствие стало моим оружием. Стресс трансформировался в топливо.

Я выключил ПК. В темноте комнаты я сказал вслух: — Всё. Хватит копить. Пора строить.

Глава II. «Тигр»

Возраст: 25 лет

Локация: Новосибирск, Россия. Квартира родителей.

Ночь. За стеной тихо сопят родители. Я знаю каждый скрип половицы в этом доме, знаю, когда отец переворачивается на другой бок, когда мать кашляет во сне. Это знание держит меня в тонусе. Они не должны знать. Пока, не должны.

Мне двадцать пять лет. Я всё ещё числюсь в таблице того же завода. Моя трудовая книжка лежит в отделе кадров, пылится рядом с сотнями таких же серых книжек. Но моя реальность находится здесь, в моей комнате, перед тремя мониторами. Их свет вырезает темноту, создавая кокон, в котором существую только я и информация.

В конце первой главы я сказал себе: «Пора строить». Но что строить? Заводы? Сети? Политические партии? Всё это слишком сложно для начала. Всё это требует слишком многого внимания, слишком быстро. Мне нужен был проект, который стал бы моим полигоном. Моим первым физическим воплощением.

Взгляд упал на окно. Там, за слоем инея, стояла моя старая машина. Она верой и правдой служила мне, но она была продуктом прошлого века. Я посмотрел на неё и понял: ничего подходящего нет. Рынок предлагал либо комфортные капсулы для горожан, либо грубые утилитарные машины, лишённые интеллекта. Ни то, ни другое не подходило для мира, который я планировал создать.

Мне нужна была крепость. Мне нужна была свобода.

В голову пришла мысль, чёткая, как удар молота. «Тигр». Сибирский. Мощный. Проходимый. Такой же суровый, как Сибирь, в которой я родился и вырос.

Я быстро включил ПК. Пальцы застучали по клавиатуре. Мне нужно было выгрузить это из головы, пока идея не остыла. Много мыслей и так мало образов в голове, так мало данных. Я начал писать техническое задание. Это был не просто список желаний. Это была декларация независимости от индустрии, которая застряла в прошлом.

— Двигатель, — набрал я. — V6. 500 л.с. Объём 3.5 литра.

Мощность должна быть избыточной. Лучше не использовать её, чем искать её в нужный момент.

— Топливная система.

Здесь я задумался. Бензин — это прошлое. Но полный отказ от него пока невозможен.

— Бензин и водород. Ещё добавим электромоторы и батарею.

Гибридная схема. Это позволяло маневрировать. Но я хотел большего. Я хотел независимости.

— Добавим 2 бак (для воды) и сделаем электролиз. Чтобы авто можно было заправлять водой и ехать на водороде.

Звучало как фантастика для текущего рынка. Но у меня были ресурсы. У меня были знания. Я мог позволить себе то, что другие считали невозможным. Вода есть везде. Если машина сможет пить воду и превращать её в энергию — она станет вечной.

— Трансмиссия и ходовая.

— Обязательно нужна блокировка дифференциала.

— Естественно полный привод, управляемый. Я хочу иметь возможность включать и отключать переднюю или заднюю ось.

Контроль. Полный контроль над сцеплением.

— АКПП или МКПП.

Я колебался. Автомат удобнее, механика надёжнее. Пока оставил вопрос открытым. Главное — ресурс.

— Высокий клиренс. 230 мм.

— ГУР.

— Всё должно быть просто. Нужно то, что работает годами и в суровых условиях. Простая и надёжная механика, обычные кнопки в салоне без больших экранов.

Я остановился на этом пункте. Современный автопром сходил с ума по сенсорным панелям. Экраны глючат на морозе, разбиваются, зависают. В мире, который я строил, надёжность превыше эстетики. Кнопка должна щёлкать. Рычаг должен иметь вес.

— Обзор.

— Камеры, которые бы дублировали боковые зеркала. Доп камеры на передних крыльях с выводом видеозображения в салон, чтобы можно было «выглядывать» за угла.

Зеркала — это анахронизм. Они создают сопротивление воздуху и слепые зоны. Камеры видят всё. Это должно было стать стандартом безопасности.

— Кузов.

— Оцинкованный, чтобы он ходил десятилетиями.

Я не хотел создавать одноразовые вещи. «Запланированное устаревание» — это болезнь старого мира. «Тигр» должен был пережить меня.

— Внешний вид.

Я закрыл глаза и представил силуэт...

Мощь японского внедорожника и агрессия немецкого спорта.

Я откинулся на спинку кресла. Текст на экране светился зелёным курсором. Я вдохновлялся надёжностью немцев 80-х годов и качеством японцев 90-х. Я хотел создать авто, собрав всё лучшее, что когда-либо делали люди, и добавив туда технологии завтрашнего дня.

Это не должно было стать просто машиной. Это должен был быть символ. Первый шаг к тому, чтобы показать миру: можно делать иначе. Можно делать лучше.

Я смотрел на список требований. Для обычного инженера это выглядело как набор противоречий. Водородный электролиз на борту? Механические кнопки в цифровую эру? Камеры вместо зеркал в 2020-х?

Но я не был обычным инженером. Я был человеком, у которого есть капитал и видение. За стеной отец снова повернулся во сне. Я замер, прислушиваясь. Тишина.

Я сохранил файл. Название: Project_TIGER_v0.1.

Это был только черновик. До первого прототипа, до первого сваренного кузова были годы. Но именно в эту ночь, в маленькой комнате в Новосибирске, родился он - «Тигр».

Я выключил мониторы. Комната погрузилась во тьму. Но в моей голове уже горели фары. Я знал, что мне предстоит найти людей, которые смогут это реализовать. Людей, которые так же, как и я, недовольны текущим положением вещей.

Я снял очки и потер переносицу. Завтра на завод. Снова форма, снова станки, снова маска обычного парня. Но теперь у меня была цель. Не просто капитал. Не просто цифры на счету.

У меня был проект.

Я лёг в кровать, но не спал ещё долго. Под потолком, в темноте, я видел очертания этого автомобиля. Он стоял на снегу, мощный, неподвижный, готовый к рывку.

Сибирь спала. Но «Тигр» уже проснулся.

На следующий день я проснулся и поехал на завод. Как обычно. В шесть утра. Овсянка, старая машина, серые стены цеха.

Но что-то было иначе.

Я зашёл в отдел кадров. Рука не дрогнула. Я молча положил заявление на увольнение на стол кадровичке. Она подняла на меня глаза, удивлённо:

— Володь, ты чего? Всё нормально?

— Нормально, — ответил я спокойно. — Просто пора.

Она начала что-то говорить про отработку, про документы, но я уже вышел. Мне нечего было ей объяснять. Никому нечего было объяснять.

Следующие две недели стали адом.

Каждый день я закрывал глаза — и видел его. «Тигра». Чёрный силуэт на снегу. Мощный. Суровый. Мой.

Я не спал. Искал гараж. Деньги у меня были — огромные, пугающие суммы на счетах. Но деньги не покупали время. Не покупали знания. Не покупали уверенность.

Я объездил весь Новосибирск. Гаражные кооперативы на окраинах, бетонные коробки, старые железные ракушки. Мне нужно было место. Убежище. Мастерская.

Нашёл. Два соседних гаража в кооперативе на дальнем конце города. Бетонные, тёплые, с электричеством. Владелец, мужик лет пятидесяти, смотрел на меня с подозрением:

— Тебе зачем два сразу?

— Работать буду, — коротко ответил я.

Он пожал плечами, взял деньги — сумму, для него немалую, для меня незаметную — и отдал ключи.

Через две недели я окончательно ушёл с завода.

Забрал свои вещи из шкафчика. Инструменты, старые перчатки, кружку. Распрощался с ребятами. Они не понимали.

— Володь, ты куда? На другую работу?

— Нет, — сказал я. — Совсем другое.

— Ну удачи, брат.

Они хлопали меня по плечу, смеялись, шутили. А я молчал. Я уходил в неизвестность. И они этого не видели.

Я закрыл все соцсети. Удалил все свои фото. Очистил цифровой след. Остался один. В одиночестве. В тишине.

В тот же день я купил квартиру. Небольшую, на окраине. Переехал от родителей за два дня.

Они спрашивали. Глаза матери были полны тревоги:

— Вова, на что ты будешь жить? Куда ты собрался? Что ты задумал?

Я успокаивал их. Гладил мать по руке:

— Всё будет хорошо, мам. Я знаю, что делаю.

— Но работа... Завод...

— Мне нужно своё, мам. Понимаешь? Своё...

Они не понимали. Они даже не подозревали, что у их сына на счетах суммы, превышающие их воображение. Что я мог бы купить не одну квартиру — десятки. Не один гараж — целый завод.

Но я молчал. Секретность стала моей бронёй.

Я оформил компанию. «ХсубегКОмрапу». Без сотрудников. Без оборота. Просто ещё одна пустая фирма в реестре. От её лица я купил те два гаража. Бетонные и тёплые коробки, в которых я мог начать понемногу строить свою машину мечты.

Первый день в гараже.

Я стоял посреди пустого бетонного пространства. Холодный свет ламп дневного света. Запах сырости и старого масла.

С чего начать?

Я хотел создать автомобиль, который не стыдно будет отправить в Сибирь. В мороз –40. В грязь. В тайгу. Туда, где сервисов нет, а эвакуатор — это сосед с трактором.

Я хотел пробег 600 000 километров без капитального ремонта.

Это было безумие.

Я ничего не знал о двигателях. О трансмиссиях. О системах охлаждения. Всё, что я до этого знал о машинах — это как поменять масло и когда ехать на ТО.

Это было пылью по сравнению с тем, что мне предстояло познать.

Я днями и неделями не выходил на связь с внешним миром. Телефон — только для заказов деталей. Интернет — только для учёбы.

Я читал. Смотрел. Изучал.

Форумы автомехаников. Научные статьи о ДВС. Видео разборок двигателей. Чертежи. Схемы. Спецификации.

Мои глаза болели от экранов. Голова гудела от терминов: степень сжатия, фазы газораспределения, крутящий момент, тепловые зазоры.

Я не спал по ночам. Сидел в гараже, на холодном бетонном полу, с ноутбуком на коленях. Вокруг меня лежали распечатки схем, исписанные блокноты, пустые банки энергетиков.

Иногда приходило отчаяние.

Я не справлюсь. Это слишком сложно. Я сошёл с ума. Нужно вернуться на завод. Нужно всё бросить.

Я закрывал лицо руками. Сидел так долго. Потом вытирал глаза. И продолжал.

Потому что отступать было некуда.

Месяц шёл за месяцем.

Я изучал устройство двигателей. Разбирался в системах впрыска. Изучал металловедение — какие сплавы выдерживают нагрузки, какие температуры.

Я начал с простого — с теории. Потом перешёл к расчётам.

Сколько лошадиных сил? Какой объём? Какая степень сжатия оптимальна для сибирских условий?

V6. 3.5 литра. 500 л.с.

Это были мои требования. Теперь нужно было их реализовать.

Я обращался к ИИ. Нейросети стали моими учителями. Я задавал вопросы:

«Как рассчитать оптимальную степень сжатия для гибридного двигателя?»

«Какие материалы использовать для поршней при высоких нагрузках?»

«Как обеспечить ресурс 600 000 км?»

ИИ отвечал. Давал формулы. Рекомендации. Ссылки на исследования.
Но ИИ не мог заменить практику. Не мог заменить понимание.
Я учился. Ошибался. Пересчитывал. Начинал заново.
Полгода одиночества. Интернета. Нейросетей. Форумов.
Я почти перестал общаться с людьми. Родители звонили — я коротко отвечал, что всё хорошо. Друзья писали — я не отвечал.
Я был в другом мире. В мире цифр, схем, расчётов.
И вот, спустя шесть месяцев, я спроектировал тот самый двигатель.
Проект двигателя лежал передо мной на экране.
Тысячи страниц расчётов. Сотни чертежей. Десятки итераций.
Это был V6, 3.5 литра, с турбонаддувом. С системой непосредственного впрыска. С усиленным блоком цилиндров из специального сплава. С титановыми шатунами. С коваными поршнями.
ИИ уверял: при правильном обслуживании ресурс способен достичь 600 000 км пробега. 600 000.
Цифра, которая казалась невозможной.
Но расчёты сходились. Материалы выдерживали. Конструкция была надёжной.
Ещё предстояло много работы. Модернизаций. Улучшений. Всё понемногу.
Каждую деталь я дорабатывал и просчитывал вместе с доступными ИИ в интернете.
И вот был готов проект двигателя. Почти самая сложная часть авто.
Я сразу же начал собирать его.
Заказывать детали. Всё под заказ. Сам проверял размеры и точность фрезеровки и материалов.
Каждая деталь приходила в коробке. Я вскрывал её, как хирург перед операцией. Брал штангенциркуль. Проверял каждый миллиметр. Каждый допуск.
Блок цилиндров — из специального чугуна с упрочнением. Головки — алюминиевые, с упрочнёнными седлами клапанов. Поршни — кованые, с молибденовым покрытием. Шатуны — титановые. Коленвал — кованый, с азотированием.
Каждая деталь стоила денег. Много денег.
Но деньги были инструментом. Не целью.
Два месяца я собирал двигатель у себя в гараже. По детальке.
Руки были в масле постоянно. Ногти чёрные. Одежда пропахла бензином и смазкой.
Я спал по три-четыре часа в сутки. Остальное время — в гараже.
Крутил гайки. Затягивал болты с динамометрическим ключом. Выставлял зазоры. Регулировал фазы.
Иногда что-то не сходилось. Приходилось разбирать. Начинать заново.
Были моменты, когда хотелось всё бросить. Ударить по двигателю молотком. Уйти. Забыть.
Но я не уходил.
Я продолжал.
Потому что это было моё. Моё детище. Моя мечта. Мой «Тигр».
И вот настал день запуска.
Двигатель стоял на специальном держателе — стенде, который я собрал из металлических профилей. Большой. Тяжёлый. Мой.
Я проверил масло. Уровень — по максимуму. Система охлаждения — заполнена антифризом. Топливная система — подключена. Выхлопная труба — прикручена.
ЭБУ (электронный блок управления) и система зажигания были уже готовы. По сравнению с механической частью ДВС, электроника была не так сложна.

Я сел на пол. В нескольких метрах от двигателя. В руках — самопальный блок зажигания, который я спаял сам, сверяясь со схемами.

Рука дрожала.

Я глубоко вдохнул. Запах масла. Бензина. Металла.

Повернул ключ. Щелчок. Тишина.

Сердце колотилось где-то в горле. Я повернул ключ ещё раз. Стартер закрутился. Звук был резкий, металлический.

Вжжжжжжж...

И вдруг — он ожил. Двигатель запустился с полуоборота. Работа слышалась ровной и глубокой.

Врум-врум-врум...

Это был V6 на 500 сил. Большой. Мощный. Глубокий звук. Он мурлыкал. Как очень большой тигр. Подстать названию. Я сидел на холодном бетонном полу гаража. Один. В тишине, нарушаемой только рёвом двигателя. Я осторожно, дрожащей рукой, нажал на педаль газа, подключённую к дроссельной заслонке. Двигатель отозвался. Обороты поднялись. Звук стал выше, мощнее.

ВРУУУУМ!

Я отпустил газ. Обороты упали. Двигатель снова замурлыкал на холостых. Я погазовал ещё раз. И ещё. Каждый раз — этот звук. Мощь. Сила. В этот момент, сидя в гараже, один, на холодном полу, я проронил слезу.

Одна. Горячая. По щеке.

Я справился. Двигатель работал. Ровно. Мощно. Надёжно. Я гордился тем, что у меня получилось. Изобрести что-то новое. Работающее. Моё. Это был не просто двигатель. Это был первый шаг. Первый кирпич в фундаменте нового мира. Я сидел и слушал, как он работает. Минуту. Другую. Десять. Потом заглушил. Тишина вернулась в гараж. Но это была другая тишина. Не пустая. Наполненная. Я подошёл к двигателю. Положил руку на горячий блок цилиндров. Металл был тёплым. Живым.

— Получилось, — прошептал я.

Голос сорвался. Я стоял так долго. Не двигаясь. Просто чувствовал. Это был мой триумф. Мой маленький, личный триумф. Никто не видел. Никто не знал. Никто не аплодировал. Но мне было всё равно. Потому что я знал. Я создал это. Своими руками. Своим умом. Своей волей. Это был только двигатель. Впереди была трансмиссия. Подвеска. Кузов. Электроника. Водородная система. Впереди были годы работы. Но в этот момент, в этот миг — я победил. Я вытер слёзы рукавом. Улыбнулся.

— Теперь ты, — сказал я двигателю. — А потом — всё остальное.

Я выключил свет в гараже. Вышел на улицу. Был вечер. Сибирский мороз щипал лицо. Я сел в свою старую машину. Поехал домой. Впервые за полгода я чувствовал не усталость. Не отчаяние. Не страх. Я чувствовал силу. «Тигр» родился. Теперь его нужно было вырастить. И я выращу. Потому что я — Владимир Хлебников. И я строю новый мир.

Двигатель работал. Но двигатель — это лишь сердце. Ему нужно тело. Руки. Ноги. Мозг.

Я сидел дома ещё несколько недель после того первого запуска. Смотрел на стены. Понимал: в одиночку я не построю автомобиль. Я могу создать чертеж, я могу собрать прототип узла, но машину — это тысячи деталей, миллиметры допусков, сварка, сборка, тесты. Мне нужна была команда. Но кому доверить свою мечту? Кому показать то, что я прятал от всех, даже от родителей? Я начал искать инженеров. Лично. Без посредников. Без кадровых агентств. Я назначал встречи в нейтральных местах. Кафе на окраине. Торговые центры. Иногда просто скамейки в парке, несмотря на холод. Мне нужно было видеть глаза.

Я искал молодых. Автолюбителей. Тех, у кого руки в масле не от необходимости, а от любви к железу. Автомехаников с золотыми руками и пытливым умом.

— Почему вы хотите работать с машинами? — спрашивал я одного. — Потому что они живые, — отвечал он. — Что вы знаете о гибридных системах? — спрашивал другого. — Читал форумы, собирал сам в гараже, — отвечал второй.

Я проверял знания. Жёстко. Без снисхождения. Мне нужны были парни, которые открыты к новому. Готовы к трудностям. Готовы работать не ради славы, а ради результата. Я не говорил им о том, что задумал.

Только сухо: «Ищу хороших инженеров для автомобильного проекта. Конфиденциально».

Недели шли. Я почти потерял веру в то, что в Сибири я могу таких найти. Казалось, все либо хотят лёгких денег, либо боятся риска. Но потом лёд тронулся. Я начал находить толковых парней. Кто-то был с дипломами технических вузов, кто-то вообще без образования, но с превосходными практическими знаниями, которые не купишь в университете. Я предложил им хорошую зарплату. По нашим региональным меркам — очень хорошую. Они удивлялись. Смотрели на меня с подозрением. — У нас нет опыта в таких проектах, — говорил один, парень по имени Сергей, бывший механик с СТО. — Мне нужен ваш ум и руки, — отвечал я. — Опыт наработаем.

Все они подписали соглашение о неразглашении (NDA). Жёсткое. Юридически заверенное. Штрафы за утечку информации были космическими. Они понимали серьёзность. Когда первая партия инженеров была готова (20 человек), я перешёл к следующему шагу.

Я от имени компании «ХcyberКОmpany» взял в аренду здание. Большой ангар на промышленной окраине города. Высокие потолки, мощные ворота, трёхфазное электричество. Я разделил его на зоны. Первая зона — конструкторское бюро. Столы, компьютеры, чертежи. Там инженеры проектировали узлы. Вторая зона — сборочный цех. Верстаки, подъёмники, инструмент. Там всё воплощалось в металле.

Я дал им всё, что нужно для производства и разработки. Лучший инструмент. Лучшие материалы. Деньги не были проблемой. Они ездили в ангар на краю города каждый день. Пропуска на входе. Камеры наблюдения. Я настроил систему безопасности так, чтобы никто лишний не вошёл.

И не все они понимали, что делают. Я распределил между ними задачи фрагментарно. Одна группа занималась АКПП с возможностью отключения и включения передней или задней оси авто. Другая — дифференциалом с блокировкой. Третья — камерами, кнопками, салоном. Они не видели полной картины. Они видели только свой узел. Но люди — существа любопытные. В ангаре шли разговоры. Шли слухи. — Что мы собираем? — Говорят, внедорожник какой-то. — Да какой внедорожник, ты видел чертежи подвески? Это танк. Я не отвечал на прямые вопросы. Но и не ругал их за интерес. Интерес — это двигатель прогресса. Просто отвечал спокойно: — Однажды я вам расскажу. Когда будем готовы.

Финансы компании я выстроил иначе. Я перевёл большую часть своих личных средств на счета компании. «ХcyberКОmpany» стала заниматься инвестированием и приумножением этого капитала. Расходы были огромные: зарплаты двадцати инженеров, аренда, оборудование, материалы. Доходы — только с инвестиций. Никаких продаж. Никаких клиентов. Компания держалась. В тишине, оторванная от мира, шла разработка частей авто.

Попутно я заказывал детали для ДВС. Отдельно. Через разные фирмы. Чтобы никто не мог собрать пазл раньше времени. Инженеры собирали их. Дорабатывали. Подгоняли. Они не узнавали, что это за двигатель. Слишком много уникальных решений. Слишком много ручной работы. Я запрещал им его запускать. — Только сборка. Тесты на стенде без зажигания, — приказал я. Ночами, когда все расходились, я приезжал в ангар. Один. Проверял каждый

собранный узел. Лично. Щупал, слушал, замерял. И если всё было хорошо — отвозил двигатель в специальный контейнер в глубине ангара. Под замок. Их было мало. Но они были.

Прошло уже 8 месяцев нашей работы. Зима сменила весну, весна уступила место лету. За окнами ангара зеленели деревья, но внутри всегда пахло металлом и маслом.

В один момент инженеры начали докладывать о готовности. — Трансмиссия готова к интеграции. — Подвеска собрана. — Электрика протестирована. Я приезжал, смотрел. Говорил, что нужно доделать. Где-то подтянуть. Где-то переделать. Я не торопил. Качество важнее скорости. Наконец, настал день. Я собрал их всех в сборочной зоне. Двадцать человек. Уставшие, любопытные, в рабочей одежде. Я стоял перед ними. В центре зала стоял объект, накрытый брезентом.

— Вы работали восемь месяцев, — начал я. Голос эхом отразился от металлических стен. — Вы не знали, что создаёте. Вы доверяли мне. Спасибо.

Тишина. — Сегодня я сниму маску.

Я дёрнул за шнур. Брезент упал. Перед ними стоял двигатель. Мой V6. Чёрный, массивный, покрытый защитными кожухами. — Это сердце проекта, — сказал я. — Проект называется «Тигр».

Я подошёл к пульту управления. Инженеры затаили дыхание. Я повернул ключ.

Стартер крутанул. *Вжжжжж...* И он ожил. *ВРУУУУМ!*

Глубокий, ровный рёв заполнил ангар. Звук, от которого вибрирует грудная клетка. Я видел их лица. Удивление. Восхищение. Страх перед мощностью. Они слышали этот звук. Они понимали: это не серийная поделка. Это нечто новое.

Я заглушил двигатель. Тишина вернулась, но теперь она была наполненной. — Это только начало, — сказал я. — Сегодня приедет кузов. Мы медленно начнём собирать всё в единое целое.

В тот же день приехал кузов. Каркас, привезённый в разобранном виде. Мы начали работать. Система бортового электролиза и баков для воды была ещё в разработке. Это была самая сложная часть. Та часть, которая должна была изменить правила игры. Но шасси, двигатель, трансмиссия — всё сходилось.

Я смотрел, как мои инженеры подходят к двигателю. Трогают его. Обсуждают крепления. Теперь они знали. Теперь они были частью этого. Маска была снята хотя бы внутри этих стен. Мы стояли на пороге чего-то большого. Я чувствовал это кожей. «Тигр» перестал быть чертежом. Он становился реальностью. И Сибирь ещё увидит, на что он способен.

После того разговора стена между мной и командой рухнула. Точнее, она превратилась в мост. Инженеры стали писать мне чаще. Звонить. Не по рабочим вопросам, а просто чтобы поделиться идеей, уточнением, успехом. — Владимир, мы тут подумали насчёт крепления кузова... — Владимир, посмотрите, как легла проводка... — Владимир, это же гениально, почему раньше никто не додумался? В их голосах я чувствовал то, чего не слышал годами. Радость. Энтузиазм. Искру. Они больше не работали ради зарплаты. Они работали ради интереса. Ради причастности к чему-то большему. Сборка авто в новом оцинкованном кузове шла. Медленно, но верно. Каждый болт затягивался с молитвой. Каждый шов проверялся дважды. Я приехал в ангар, когда машина была почти готова. Чёрный силуэт «Тигра» стоял под лампами сборочной зоны. Массивный. Готовый. Мы проверили камеры. Изображение на внутренних экранах было чётким, без задержек. Боковой обзор с крыльев и бампера работал идеально — можно было видеть пространство вокруг машины лучше, чем через обычные зеркала. Салон. Кнопки. Я нажимал на каждую. Щелчок должен быть тяжёлым, уверенным. Никаких сенсорных глюков. Всё работало.

Настал момент запуска. Инженеры выстроились стенкой вдоль стены ангара. Двадцать пар глаз смотрели на меня. Я сидел в водительском кресле. Кожа ещё пахла заводской обработкой. Руль лежал в ладонях как влитой. Я повернул ключ. Двигатель ожил. Тот самый глу-

бокий рёв, который я слышал впервые в одиночестве в гараже, теперь звучал внутри кузова. Глуше. Благороднее.

Я включил «Drive». Машина плавно тронулась. Я проехал пару метров по бетону ангара. Поворот. Торможение. Все функции работали. Подвеска отрабатывала неровности пола. Полный привод включался без рывков.

Когда я заглушил двигатель, в ангаре повисла тишина. А потом они взорвались. Аплодисменты. Крики. Кто-то обнимал соседа. Они видели это. Они сделали это. Вместе со мной. Я вышел из машины. Поднял руку, призывая к тишине. — Завтра выходной, — сказал я. — Неделя. Оплачиваемая. Всем. Отдыхайте. Я ожидал благодарности. Ожидал, что они разбегутся по домам, к семьям, к отдыху. Но они переглянулись. Сергей, старший механик, сделал шаг вперёд: — Владимир... А можно мы останемся? — Вы устали, — сказал я. — Мы не устали, — улыбнулся он. — Нам интересно. Мы хотим увидеть, как он поедет по-настоящему.

Это удивило меня. Деньги можно было заработать везде. А вот такую преданность делу — нет. Я кивнул. — Хорошо. Тогда сейчас — свободное вождение. По очереди. По ангару. Очереди не было. Но каждый получил свой шанс. Они катались по огромному помещению, смеялись, сигналили, проверяли разгон. Для них это было не просто железо. Это была победа. Но оставалось главное. Водород. Система бортового электролиза была самым сложным узлом. Баки для воды, генератор газа, смешивание с топливной смесью. Если это не сработает — «Тигр» останется просто хорошим внедорожником. А я хотел создать будущее.

Всю разработку мы направили на электролиз и внедрение его в авто. Инженеры делились на смены. Спорили над чертежами. Тестировали материалы на устойчивость к щёлочи. Шли недели. Однажды мне позвонили поздно вечером. — Владимир, — голос Сергея дрожал. — Всё получилось. — Что получилось? — Детали приехали. Мы всё установили. «Тигр» работает на воде. Бензин выключен.

Я оделся. Сел в машину. Поехал в ангар, несмотря на ночь. Когда я зашёл, они стояли вокруг машины. Лица грязные, уставшие, но глаза горели. Я подошёл к баку. Он был заполнен обычной водой. — Запускай, — сказал я.

Сергей сел за руль. Повернул ключ. Двигатель зашёлся. Ровно. Без перебоев. Я смотрел на индикаторы. Потребление бензина — ноль. Расход воды — есть. Выхлоп — почти чистый пар. — Газуй, — сказал я тихо. Обороты поднялись. Звук стал чуть мягче, но мощность не упала. Я обрадовался. Не показал вида, но внутри всё ликовало. Это было то, ради чего всё затевалось. Энергия из воды. Независимость. Мы начали всей командой искать и заказывать детали. Оборудование. Станки. Сырьё. У нас была цель. Я подошёл к контейнеру в углу ангара. Открыл его. Внутри, на стеллажах, стояли они. Двадцать двигателей. Рабочих. Проверенных. Моих. — Мы создадим двадцать «Тигров», — сказал я команде. — Ровно столько, сколько у нас есть сердец для них.

Это был не просто план производства. Это был первый отряд. Мы начали наращивать производство. Ангар гудел день и ночь. Заказы на металл. На электронику. На спецсплавы. Компания «ХсуберКОмpany» превращалась из пустой оболочки в настоящий завод. Пусть маленький. Пусть скрытый от глаз. Но настоящий. Я смотрел на свою команду. Они больше не были просто наёмными работниками. Они были соратниками. Мы строили не просто машины. Мы строили фундамент нового мира. И первый камень был уже уложен.

«Тигр» вышел из клетки. Теперь их должно было стать двадцать. А потом — больше. Гораздо больше. «Тигры» производились медленно. Каждый — как произведение искусства. Каждый — с душой. Когда в ангаре стоял уже третий, я начал процесс сертификации. Бумажная волокита, тесты, проверки. Мы делали всё по закону. Тихо. Без шума.

Второй и третий «Тигры» отдали на краш-тесты. Я стоял за стеклом наблюдательной комнаты и смотрел, как огромная пушка разгоняет мой автомобиль до удара о бетонный блок.

БАХ!

Металл сминался. Стекла разлетались. Подушки безопасности выстреливали. Мне было физически больно. Каждый удар отзывался внутри. Я видел, как искривляется кузов, над которым мои инженеры колдовали ночами. Как трескается то самое оцинкованное покрытие, которое должно было служить десятилетиями.

«Деньги на ветер», — думал я.

«Душу об стену», — шептал про себя.

Но потом приходили результаты. — Кузов выдержал. Каркас безопасности цел. Двери открываются. Все системы пассивной безопасности сработали штатно. Они всё прошли. Тихо. Без сенсаций. Мы это предусмотрели. Заложили запас прочности. Рассчитали каждую точку деформации. Я выдохнул. Первый краш-тест позади. Но впереди было главное — выход в свет.

Когда был произведён уже десятый «Тигр», я принял решение.

Хватит прятаться. Я заказал пилота. Профессионального гонщика, который тестировал раллийные машины. И профессиональную команду операторов и монтажёров. Мы арендовали трек за городом. Потом переехали на бездорожье — в сибирскую тайгу, где грязь по колено, а деревья стоят стеной.

Три дня съёмок.

Операторы снимали с дронов, с машин сопровождения, с земли. Снимали каждый ракурс. Как «Тигр» берёт разгон на треке. Как проходит повороты. Как идёт сквозь грязь, воду, снег. Как камеры на бампере помогают водителю «выглядывать» за угол. Как мощный двигатель рвёт тишину тайги. Пилот выходил из машины грязный, уставший, но с горящими глазами.

— Это зверь, — говорил он мне. — Настоящий зверь.

Я кивал. Я знал. Монтажёры работали неделю. Вырезали лучшее. Добавляли музыку. Эффекты. Титры. От имени компании я создал аккаунты в социальных сетях. «XcyberKOMPany». Пустые страницы. Без истории. Без лица. И выпустил видео.

Заголовок: «Первый Народный Российский Авто».

Я знал, что это сработает как триггер. Как искра в бочке с бензином. Нажал «Опубликовать». Просмотры полетели. Сначала сотни. Потом тысячи. Через час — десятки тысяч. Комментарии сыпались как град:

«Это что, серьёзно? Наш автопром?» «Выглядит мощно. А что с ценой?» «Наконец-то! Своё, родное!» «Не верю. Опять распиарят и забудут.» «Дизайн — пушка! Между Крузаком и Поршем — то что надо!» «А где собирают? Кто производитель?» «Водород? Серьёзно? Это же будущее!» «Скам. Нет таких технологий в России.» «Патриоты, вы хоть понимаете, что это очередная пустышка?» «Негативисты, заткнитесь! Видели бы вы как он идёт по бездорожью!» «Камеры вместо зеркал — это гениально. Почему раньше никто не додумался?» «Кнопки в салоне! Нормальные кнопки! Не сенсоры! Уважение!» «А где купить? Когда старт продаж?»

Мнения разделились мгновенно. Патриоты кричали о возрождении отрасли. Скептики называли это пиар-ходом. Автолюбители разбирали каждый кадр. Эксперты искали подвох. Видео набирало миллионы просмотров. Оно попало в тренды. Его обсуждали в новостях. Блоги разбирали технические детали. Форумы ломались от количества тем.

«Тигр» вышел из тени. Его прозвали «Сибирский Тигр». Кличка прижилась мгновенно. Сибирь. Мощь. Характер. Мнения разделились ещё сильнее.

«Это наш ответ западным автогигантам!» «Красиво, но где производство? Где завод?» «Очередной стартап, который исчезнет через год.» «Я видел его вживую! Это реально круто.» «Компания молчит. Ни интервью. Ни комментарии. Странно.»

Компания молчала. Я запретил любые комментарии. Никаких интервью. Никаких разъяснений. Пусть говорят сами. Пусть спорят. Пусть сомневаются. Известность росла. Тишина вокруг проекта только подливала масла в огонь. Люди хотели знать больше. Искали информацию. Создавали теории. Кто-то утверждал, что это проект государственного уровня. Кто-то —

что это частная инициатива олигарха. Кто-то верил, что это народный проект энтузиастов. Мы не подтверждали. Не опровергали. Мы работали.

«Тигры» продолжали собираться в ангаре. Один за другим. Тринадцатый. Четырнадцатый. Пятнадцатый. Инженеры работали на износ. Но глаза горели. Они видели реакцию. Они видели, что их труд не напрасен.

— Владимир, нас обсуждает вся страна, — говорил Сергей. — Это невероятно.

— Это только начало, — отвечал я.

Мы готовились к выставке в Москве. Крупнейшая автомобильная выставка года. Международная. Там будут все: производители, дилеры, журналисты, инвесторы. Там будет весь мир. Я хотел показать им всем. Показать, что у них есть конкурент. Что Россия — это не только нефть и газ. Что мы можем создавать. Можем придумать. Можем быть лучше.

«Тигр» ехал в Москву.

Первый публичный показ. Первый настоящий тест перед глазами всего мира. Я смотрел на карту. Новосибирск — Москва. Тысячи километров. «Тигр» пройдёт этот путь. Своим ходом. По бездорожью. По трассам. Через всю страну. Это будет не просто поездка. Это будет демонстрация силы. Я уже видел заголовки:

«Сибирский Тигр прибыл в столицу»

«Российский внедорожник бросает вызов мировым брендам»

«ХсyberKOMpanу: кто стоит за загадочным проектом?»

Пусть пишут. Пусть говорят. Пусть спорят. Мы сделали своё дело. Мы создали машину. Не на словах. Не на бумаге. В металле. Теперь мир увидит. Я стоял в ангаре. Рядом стоял «Тигр», который поедет в Москву. Чёрный. Блестящий. Готовый.

Я положил руку на капот.

— Покажи им, — сказал я тихо. — Покажи всем, на что ты способен.

Двигатель молчал. Но я знал: он готов.

Мы готовились к Москве. К выставке. К миру.

«Сибирский Тигр» выходил на охоту.

Глава II. «Тигр» Дорога.

Возраст: 27 лет

Локация: Трасса М-51 «Байкал» → Москва, Экспоцентр

Я решил. Он поедет своим ходом. Не на автовозе, укрытый брезентом, как хрупкий экспонат. Не в контейнере, как секретный груз. Сам. Через полстраны.

Новосибирск — Москва. Более трех тысяч километров. Трассы, города, пробки, бездорожье, перепады температур. Это был не просто перегон. Это был финальный экзамен. Если «Тигр» не дойдет своим ходом — значит, он ещё не готов. А я не выпускаю на рынок то, что не готово. Мы всё проверили. Каждый болт. Каждый шланг. Уровень жидкости в системе электролиза. Давление в шинах. Мы наняли пилота. Того самого гонщика, который тестировал машину в тайге. Он знал эту машину лучше, чем кто-либо, кроме меня и моих инженеров. От имени компании мы выпустили короткое видео. Никакой музыки. Никаких спецэффектов. Просто кадр: ворота ангара открываются, чёрный силуэт выезжает на снег. И надпись белыми буквами: **«Мы едем в Москву на показ.»**

«Тигр» выехал. Его видели. Снимали. Удивлялись. Первые кадры появились в сети уже через сутки. Кто-то снял его на заправке в Кемерово. Кто-то заметил на трассе под Красноярском. «Тигр» ехал по городам, по трассам. Не спеша. В Москву. Он не прятался. Он рычал.

В социальных сетях начали появляться ролики. Любительские. Снятые на телефоны. Вот он стоит на светофоре в Екатеринбурге. Чёрный, массивный, среди потока обычных седанов. Выглядит как чужак. Как гость из будущего. Вот он показательно разгоняется на свободном

участке трассы. Камера дрожит от звука. Громкий рёв V6 разносится по окрестностям. И он уходит от камер. Быстро. Уверенно.

Комментарии под этими видео кипели: «Это тот самый Тигр?»

«Звук — просто песня!» «Видел его вживую. В реальности он ещё больше.» «Едет своим ходом из Сибири? Уважаю.»

Шум рос. К тому времени, как машина приблизилась к Москве, о «Сибирском Тигре» знала уже вся автомобильная общественность страны.

Москва. Экспоцентр. Крупнейшая автомобильная выставка года.

Мы приехали ночью. Разгрузились. Организаторы выделили нам место. Честно говоря, не лучшее. Нас поставили на пьедестале, но подальше от всех мировых новинок. В стороне от гигантов вроде Mercedes, Toyota, BMW. Нас не воспринимали всерьёз. — Российский стартап? — усмехнулся один из кураторов выставки. — Ну, поставьте их в угол. Пусть будут. Я не спорил. Пусть думают, что мы массовка. Пусть думают, что мы шуточки. Тишина — лучшее оружие перед ударом. Нас ждали. В списке гостей на открытие значились фамилии, от которых замерло бы сердце любого бизнесмена. Журналисты федеральных каналов. Топовые блогеры. Инвесторы. И в конце списка, без лишнего шума, но четко обозначено: **Президент.**

Он должен был прийти на презентацию. Осмотреть новинки отечественного автопрома. Это был риск. Если машина подведёт при нём — всё кончено. Если понравится — двери откроются везде. Мы не запрещали трогать машину. До официального открытия стенд был открыт для монтажников, прессы, ранних гостей.

— Можно посидеть? — спрашивала девушка-журналист.

— Можно, — отвечал я. — Нужно.

Люди садились в салон. Щупали кнопки. Крутили руль. Слушали, как щёлкают переключатели.

— А это что за камеры?

— Безопасность и видимость.

— И нет экранов?

— Только необходимое. Всё просто.

Я стоял рядом. Я не прятался в офисе. Я не сидел в тени. Я стоял рядом с «Тигром». В простой одежде. Без галстука. Без свиты.

Ко мне подходили.

— Вы представитель компании?

— Я основатель.

— Владимир Хлебников? Тот самый, о котором писали в крипто-новостях пять лет назад?

— Я.

Вопросы сыпались градом.

«Сколько стоит?»

«Когда старт продаж?»

«Правда, что он на воде?»

«Кто спонсор?»

Я отвечал. Спокойно. Чётко. Без лишней рекламы.

— Цена будет доступной.

— Старт — после тестов.

— Он на воде и бензине

— Спонсор — я.

Они смотрели на меня с интересом. Парень из Новосибирска. Без бэкграунда в автопроме. Сделал то, что не смогли гиганты. Я чувствовал их сомнения. Их скепсис. Они видели красивую оболочку, но не знали, что внутри. Они не знали про 600 000 км ресурса. Они не знали про краш-тесты. Они не знали про двадцать двигателей, собранных вручную. Пусть сомневаются. Сомнения делают победу слаще. Я смотрел на часы. До официального открытия оставалось полчаса. До приезда Президента — меньше часа. Охрана начала оцеплять периметр. Журналисты сбегались к центру зала. Вспышки камер зажигались, как звёзды. «Тигр» стоял на пьедестале. Чёрный. Спокойный. Готовый. Я поправил воротник рубашки. Надел свою маску. Холодную. Уверенную.

Я прошёл этот путь. От заводского станка до главной выставки страны. От крипто-инвестиций до реального производства. От одиночества в гараже до внимания первого лица государства. Это был не конец пути. Это был только старт. Но этот старт должен был быть громким. Я встал рядом с машиной. Положил руку на крыло. — Всё готово, — прошептал я.

Двери зала открылись. Поток людей хлынул внутрь. Охота началась.

Глава II. «Тигр» Выставка.

Возраст: 27 лет

Локация: Москва, Экспоцентр

Охрана оцепила периметр. Журналисты сбились в плотную стену, объективы камер нацелились на вход. Вспышки ударили, как перед грозой. Он вошёл.

Президент. В сопровождении свиты, министров, глав автоконцернов. Они шли по центральному проходу, останавливаясь у стендов гигантов. Mercedes, Toyota, отечественные бренды. Улыбки, рукопожатия, заученные фразы. Я стоял у своего стенда. В стороне. В тени. Но я знал: они идут сюда.

Когда они приблизились, я сделал шаг вперёд. Охрана напряглась, но я не был угрозой. Я был создателем. Президент остановился у пьедестала. Посмотрел на «Тигра». Чёрный силуэт выделялся на фоне пластиковых концептов конкурентов.

— Это что? — спросил он. Голос спокойный, уставший.

— «Сибирский Тигр», — ответил я. — Российский автомобиль. Полностью.

— Кто производитель?

— Компания «ХcyberKOMPany». Я основатель. Владимир Хлебников.

Он посмотрел на меня. В его взгляде была проверка. Кто ты такой? Почему ты здесь? Я выдержал взгляд. Моя маска была на месте. Спокойствие. Уверенность.

— Говорят, вы приехали на нём из Новосибирска? — спросил он.

— Своим ходом. Три тысячи километров. Без эвакуатора. Без поломок.

В свите пробежал шёпот. Это было невозможно для прототипа.

— Зачем? — спросил Президент.

— Чтобы доказать. Словами можно всё что угодно. Металл не врёт.

Я начал рассказывать. Я не использовал презентационные брошюры. Я говорил факты.

— Ресурс двигателя — 600 000 километров. Без капитального ремонта.

— Это много, — заметил он.

— Это необходимо. Для нашей страны. Для наших дорог.

— Что под капотом?

— V6, 500 сил. Гибрид. Бензин, электричество... и вода.

Он поднял бровь.

— Вода?

— Система бортового электролиза. Мы можем получать водород из воды прямо в движении. Пока это в разработке, но база уже работает. Энергия там, где есть вода. В тайге. В поле. В городе.

Я видел интерес. Настоящий интерес. Не протокольный.

— Можно внутрь? — спросил он.

— Нужно, — ответил я. — Чтобы понять, для кого эта машина.

По правилам выставки, заводить автомобили на стендах было запрещено. Выхлопные газы, безопасность, шум. Охранник сделал шаг вперед, чтобы остановить меня. Я посмотрел на Президента.

— Вы можете завести его. Прямо сейчас. Чтобы услышать.

— Это запрещено, — сказал охранник.

Президент поднял руку. Охранник замолчал.

— Пусть заведёт. Хочу слышать сердце.

Я достал ключи. Обычный металлический ключ, без лишней электроники. Надёжный. Я протянул их ему. Это был риск. Я нарушал протокол. Я ставил всё на кон. Но я верил в своё детище. Он взял ключи. Сел в водительское кресло. Закрыв дверь. В зале воцарилась тишина. Тысячи людей замерли. Камеры зумились на салон. Я стоял рядом. Ждал. Поворот ключа. Щелчок стартера. И он ожил.

ВРУУУМ!

Глубокий рёв V6 ударил по стенам павильона. Звук был таким мощным, что, казалось, дрогнули стёкла. Это не был звук обычного авто. Это был голос хищника. Президент добавил газу. Обороты взмыли вверх. Звук стал выше, агрессивнее. Он заглушил двигатель. Тишина вернулась, но теперь она была звонкой. Он открыл дверь. Вышел. В руке держал ключи.

— Мощно, — сказал он коротко.

— Для Сибири, — ответил я.

— Для страны, — поправил он.

Он вернул мне ключи.

— Продолжайте работу. Мы свяжемся.

Это не было обещанием денег. Это было нечто большее. Признание. Он пошёл дальше. Свита последовала за ним. Я стоял у машины. Ключи в руке были тёплыми. Я выдохнул. Только сейчас я понял, что всё это время задерживал дыхание. Выставка продолжалась ещё три дня. Но для нас она закончилась в тот момент, когда он ушёл. Стенд «XcyberKOMPany» оказался в центре урагана. Люди стояли в очередях, чтобы просто посидеть в салоне. Журналисты брали интервью у моих инженеров, которые прилетели вместе со мной. Камеры снимали каждый сантиметр кузова. Мы не продавали билеты. Мы не принимали заказы. Мы просто показывали. Но

к концу выставки у меня в руках была папка с контактами. Инвесторы. Дилеры. Поставщики. Все хотели быть частью этого. Итоги. Реакция.

СМИ:

Федеральные каналы выпустили сюжеты в вечерних новостях.

«Российский ответ мировому автопрому».

«Тигр из Сибири: миф или реальность?».

«Президент оценил новинку».

Тон был разным. От восторженного патриотизма до осторожного скепсиса. Но главное — нас показали. Мы вышли из тени.

Блогеры:

Автоблогеры разобрали машину на атомы.

Те, кто смог подойти близко, снимали обзоры.

«Кнопки! Настоящие кнопки!»

«Камеры вместо зеркал — это будущее».

«Звук двигателя — просто космос».

Были и те, кто кричал о «очередном распиле». Но видео с запуска двигателя Президентом закрывало большинство вопросов. Если это допустили на таком уровне — значит, там что-то есть.

Мировая общественность:

За рубежом новость восприняли иначе.

Американские и европейские автогиганты запросили информацию через дипломатические каналы. На форумах США и Европы шли споры.

«Китайский клон?»

«Нет, смотрите на спецификации. Это оригинально».

«Водородный электролиз на борту? Это невозможно».

«Русские сделали это».

Акции конкурентов слегка дрогнули. Не обвалились, но рынок почувствовал запах новой крови. «Сибирский Тигр» стал мемом. Символом. Кто-то рисовал его в фотошопе на Красной площади. Кто-то сравнивал с медведем. Но имя «ХcyberKОтpану» теперь гуглили во всём мире.

Для меня:

Я вернулся в Новосибирск не тем человеком, который уехал.

Маска стала тоньше. Меня узнавали на улице.

— Это тот самый Хлебников?

— Тихо ты.

Компания получила аккредитацию. Налоговые льготы. Доступ к государственным заказам. Но главное — мы получили время. Время достроить завод. Время доработать систему электролиза. Время выпустить не 20 машин, а 5 000. Я стоял в ангаре. Рядом стоял «Тигр», который вернулся из Москвы. На его кузове была пыль той дороги. Я провёл рукой по капоту.

— Мы выжили, — сказал я.

Инженеры улыбались. Они знали: самое сложное впереди. Серийное производство. Логистика. Конкуренция. Но мы прошли точку невозврата.

«Тигр» вышел на охоту.

И мир оказался слишком маленьким для него.

Глава III. Золотая полоса

Возраст: 27–28 лет

Локация: Новосибирск, Москва

Успех в Москве открыл шлюзы. Деньги, предложения, партнёрства — всё это хлынуло на нас как прорвавшаяся плотина. Но я знал: если не управлять потоком, он смоем всё на своём пути.

Первым серьёзным шагом стало решение для акционеров. Мы выпустили на рынок 20% акций компании «ХcyberKОтpану». Это был сигнал доверия. Мы не прятались за офшорами. Мы становились народными не только на словах, но и на деле. Люди могли купить часть мечты. Часть «Тигра». Для меня же построили отдельный экземпляр. Это был не просто автомобиль. Это был манифест. Чёрный кузов, матовый, поглощающий свет. Но от передней фары через весь капот и багажник до заднего бампера тянулась золотая полоса. Тонкая, точная, как лазерный луч.

Сзади, вместо стандартных шильдиков, были выгравированы золотом буквы:

Тигр

V6 3.5

Хлебников

Последняя надпись значила всё. Это был мой ник в соцсетях, мой цифровой отпечаток. Этот значок был только у меня. Такой машины больше не существовало. Это был мой личный зверь. Я ездил на нём по городу каждый день. Никакого кортежа. Никакой охраны. Просто я, золотая полоса и рёв двигателя. Люди снимали. Телефоны доставали сразу, как только видели характерный силуэт.

— Это он? Хлебников?

— Да вот же, за рулём!

Некоторые подходили прямо на парковках у магазинов. Стеснялись, но подходили.

— Владимир, можно фото?

— Можно.

— Можно вопрос? Что чувствуете, когда ведёте это?

— Чувствую ответственность, — отвечал я честно.

Интервью стали регулярными. Я не прятался. Маска стала тоньше, но не исчезла. Я понимал: лицо компании должно быть видимым. Мы открыли предзаказы. Пять тысяч машин. Это была огромная цифра для стартапа. Для гиганта — план на месяц. Для нас — вызов на год. Мы наращивали производство бешеными темпами. Нанимали сотрудников. Обучали. Заказывали оборудование. Сырьё шли вагонами. Станки гудели круглосуточно. Мы готовились к огромной работе.

Технология электролиза была завершена. Но я запретил маркетологам обещать чудеса.

— Пишите правду, — сказал я отделу продаж. — Зимой, система переходит в гибридный режим. Воду использовать нельзя, только когда тепло.

Ничего страшного. Мы всё равно выпускали авто с такими возможностями. Лучше иметь технологию про запас, чем зависеть только от нефти. Но главное нововведение было другим. Каждый «Тигр» проходил обкатку 4000 километров перед тем, как выпустить его в свет.

Инженеры возражали:

— Это убыточно. Это время. Это пробег.

— Это совесть, — отвечал я. — Я не хочу, чтобы клиент обкатывал мою машину. Я хочу, чтобы он получил уже готовое изделие. Мы стали выпускать ролики в сеть. О технических характеристиках. О ресурсе. О воде. Видео, где «Тигр» едет только на воде, набирало миллионы. Мы показывали выхлопную трубу с зеркалом — оно не запотевало от сажи, только от пара. Говорили о предзаказах. Ажиотаж рос. В одном из ключевых роликов я решил сказать

лично. Без суфлёра. Без монтажа. Я сидел в цеху, на фоне сборочной линии. В руках держал ключ от «Тигра».

— Машина для народа, — начал я, глядя в камеру. — Надёжная. Своя. На 70% собственного производства. Так дешевле. Так честнее.

Я сделал паузу.

— Цена — 6 000 000 рублей. Я знаю, не дешево. Для многих это деньги всей жизни. Но зато, надёжно. Вы покупаете не железку на пять лет. Вы покупаете инструмент на десятилетия. Я поднял ключ выше.

— Вы не увидите ни одной машины с пробегом ниже 4000 км на одометре. Мы не автогиганты. Мы другие. Мы уважаем тех, для кого производим эти машины. Каждая прошла путь. Прежде чем попасть к вам.

Ролик вышел вечером. Утром очередь на предзаказ была закрыта. 5000 машин. Раскуплены за один день. Компания стала открытой. Мы приглашали СМИ и блогеров на осмотр авто. Пусть смотрят. Пусть ищут подвох. Пусть крутят гайки. Им нечего было найти. Всё было честно. Мы всё ещё наращивали производство. Двух ангаров стало мало. Я купил ещё два соседних корпуса. Снесли стены между ними. Теперь это был единый конвейерный поток. В компании работало уже 300 сотрудников. 300 семей, которые зависели от успеха «Тигра». 300 пар рук, которые строили будущее. Я ходил по цеху. Знакомился с новыми.

— Откуда вы? — спрашивал я парня у станка ЧПУ.

— Из Комсомольска-на-Амуре, — отвечал он. — Услышал про вас, продал всё и приехал. Хочу делать настоящие вещи. Я кивал. Такие люди были мне нужны. Мы подбирались к тому, чтобы отгрузить первую партию машин. Ключи. Документы. Владельцы. Первые 5000 человек, которые поверили. Я стоял у ворот завода. Вечер. Сибирь. Внутри гудели станки. Снаружи падал снег. На парковке стоял мой «Тигр» с золотой полосой. Я думал о том, с чего начал. Завод. Станок. Крипта. Ночь. Темнота. Теперь вокруг меня был свет. И шум. И жизнь. Но я знал: это ещё не всё. Это ещё не новый мир. Это был только фундамент.

«Тигр» был первым шагом. Железо должно было стать умнее. Сеть должна была стать плотнее. Мы готовились к отгрузке. Но я уже думал о следующем проекте. О том, как соединить эти машины в единую систему. О том, как сделать так, чтобы «Тигр» знал своего хозяина лучше, чем жена. Но это будет потом. Сначала нужно выполнить обещание.

5000 машин. 5000 жизней, которые станут легче. 5000 доказательств того, что мы можем. Я сел в машину. Золотая полоса блеснула под фонарями. Двигатель зарычал.

— Поехали, — сказал я.

Впереди была зима. Впереди были первые клиенты. Впереди были первые настоящие испытания дорогой.

Но мы были готовы.

«ХcyberKОmpany» вышла на орбиту.

И снижаться не собиралась.

Глава III. Золотая полоса. Первые Ключи.

Возраст: 27–28 лет

Локация: Новосибирск, Завод «ХcyberKОmpany»

Цех гудел. Это был не тот нервный гул стартапа, когда всё держится на честном слове. Это был ровный, мощный звук производства. Конвейер двигался. Роботы-сварщики метали искры. Люди в фирменной форме бегали между станциями с планшетами. Триста сотрудников. Теперь их было уже пятьсот. Мы выкупили ещё один корпус. Пять тысяч машин. Первая партия

была готова. Я стоял на возвышении у ворот завода. Передо мной стояли они. Первые «Тигры». Чёрные, матовые. Они выглядели хищниками, выпущенными на волю.

Владельцы начали съезжаться за неделю до официального старта выдачи. Кто-то прилетел из Москвы, кто-то приехал на поезде из Владивостока. Они жили в отелях рядом, гуляли вокруг завода, снимали охраняемую территорию через забор. Я решил: ключи я вручу лично. Первым пятидесяти. Остальных встретят менеджеры, но я должен видеть глаза тех, кто поверил первым. Церемония прошла без пафоса. Никаких ленточек, никаких оркестров.

Человек подходит. Я пожимаю руку. Вручаю коробку с ключами.

— Спасибо, — говорит он. Голос дрожит.

— Спасибо вам, — отвечаю я. — Берегите.

Один парень, водитель дальнобойщик из Омска, не выдержал. Обнял меня.

— Я всю жизнь на «Камазах», — сказал он. — Думал, до конца дней буду на них жить. А тут... Своё. Родное. Я кивнул. Я понимал его. Мы делали это не для олигархов. Мы делали это для тех, кто работает. Когда последние ключи были вручены, ворота открылись. Пять тысяч машин выехали из ворот завода. Поток чёрных силуэтов хлынул на улицы Новосибирска. Горожане останавливались на тротуарах. Снимали. Показывали пальцами. «Тигр» вышел в город. Интернет взорвался через неделю. Первые видео-отзывы пошли валом. Блогеры, которые ещё месяц назад кричали о «распиле», теперь снимали обзоры в стиле документального кино.

«Честный обзор Тигра: 4000 км на одометре»

«Я проверил кнопки. Они действительно металлические»

«Звук V6 в живую: сравнение с конкурентами»

Главным вопросом был пробег. Я обещал: ни одна машина не выйдет с нулём. Блогеры включали камеры, снимали приборную панель.

— Смотрите, — говорил популярный авто-эксперт в кадре. — Четыре тысячи двести километров. Машина прошла обкатку на полигоне завода. Масло заменено. Все узлы притёрты. Вы получаете не конструктор, а инструмент. Это подтвердило мои слова. Доверие росло не линейно — оно множилось. Второй вопрос — вода. Лето было жарким. Идеальное время для тестов электролиза. Сняли видео: заливают воду из обычной канистры в бак. Машина едет. Расход бензина падает до минимума. Выхлоп — чистый пар.

— Это работает, — шептал блогер в камеру, глядя на датчики. — Это чёртова магия. Но это работает.

Но потом пришла осень. Потом зима. И тут всплыл тот самый нюанс, о котором я предупредил в презентации.

Мне начали писать:

— Владимир, почему система воды отключилась? Это брак?

— Где водород? Машина перешла на бензин!

Я выпустил официальное обращение. Без цензуры.

«Система электролиза использует воду. Вода замерзает при нуле градусов. Мы не используем химию, которая могла бы предотвратить замерзание, потому что это загрязняет выхлоп и убивает ресурс катализатора. Поэтому зимой, при температуре ниже +5, система блокирует подачу воды автоматически. Вы едете на бензине и электричестве. Это не поломка. Это защита».

Честность сыграла лучше любой рекламы. Люди оценили.

— Не врут, — писали на форумах. — Предупредили заранее. Зимой бензин, летом вода. Всё честно.

Это закрепило репутацию. Мы не продавали сказку. Мы продавали технику. Компания стала открытой. Мы приглашали СМИ в цех. Показывали станки. Показывали людей.

— Вот здесь мы делаем блоки цилиндров, — говорил я экскурсоводам. — Вот здесь собираем электронику.

70% собственного производства. Это не было маркетингом. Это было фактом. Но вместе с популярностью пришло давление. На мою почту начали приходить письма. От дилеров из Европы. Из Китая. Из стран Ближнего Востока.

«Хотим эксклюзивные права на поставку».

«Готовы купить первую партию целиком».

«Цена не имеет значения».

Суммы были огромными. Валюта. Контракты, которые могли окупить завод за полгода. Совет директоров (теперь у меня был совет) настаивал:

— Владимир, это деньги. Это расширение. Мы можем построить второй завод уже завтра.

— Нет, — сказал я.

Я собрал пресс-конференцию. Зал был полон. Камеры, микрофоны.

Вопрос был один:

— Когда экспорт? Когда мы сможем купить «Тигр» в Германии? В США?

Я смотрел в зал. Вспомнил завод, где я работал. Вспомнил снег за окном в Новосибирске. Вспомнил парня-дальнобойщика, который обнял меня у ворот.

— «Тигр» не поедет на экспорт, — сказал я тихо.

В зале повисла тишина.

— Пока что, — уточнил я. — Сначала мы обеспечим своих земляков. В России тысячи городов, где нет нормального сервиса. Где дороги убивают машины за год. Где морозы ломают технику.

Я сделал паузу.

— Мы сделали эту машину для Сибири. Для России. Если мы начнём продавать её направо и налево прямо сейчас, мы не справимся с качеством. Мы не сможем обеспечить сервис. Я не хочу, чтобы где-то в Европе «Тигр» встал и ждал запчасть полгода.

— Но деньги... — начал один журналист.

— Деньги придут, — перебил я. — А доверие потерять легко. Сначала свои. Потом — мир.

Это заявление вызвало шквал. Патриоты ликовали. Либералы кричали о «закрытости рынка». Бизнесмены крутили пальцем у виска. Но мне было всё равно. Я знал: если я предам тех, кто поверил первым, второй раз мне не поверят никто. Вечер. Я сижу в офисе. На столе лежит планшет. На экране карта страны. Тысячи точек. Каждая точка — это «Тигр». Они едут по трассам. Возят грузы. Возят семьи. Возят надежду. Я вижу статистику в реальном времени. Двигатели работают. Ресурс накапливается. Ни одного капитального ремонта. Ни одного отзыва партии. Я откидываюсь в кресле. Маска почти исчезла. Я вижу своё отражение в выключенном мониторе. Усталое лицо. Но глаза спокойные.

Мы прошли этап выживания. Мы прошли этап доказательства. Теперь начинается этап роста. Я выключаю свет. За окном снова снег. Но теперь я знаю: этой зимой тысячи «Тигров» согреют своих владельцев. Даже если система воды уснёт до весны. Бензин не подведёт. Металл не подведёт. Мы сдержали слово. Первые ключи были вручены. И это было только начало.

Глава III. Золотая полоса. Зима.

Возраст: 28 лет

Локация: Новосибирск, Завод «XcyberKOmpany»

Производство не останавливалось. Конвейер жил своей жизнью, ритмичной и мощной. Пять тысяч машин были только началом. Предзаказы на следующую партию уже формировались. Деньги текли рекой.

Но деньги — это бумага. Главное — это доверие.

Первые месяцы эксплуатации стали настоящим экзаменом не для машины, а для моей нервной системы. Каждый день я начинал с проверки сводки. Сколько машин на линии? Сколько обращений в сервис? Обращений было мало. Это радовало. Но они были неизбежны. Первая авария произошла под Красноярском. Мне позвонили утром. Голос сервисного инженера был напряжённым:

— Владимир, у нас ЧП. «Тигр» попал в лобовое столкновение. С фурой.

Сердце упало. Я видел этот сценарий в кошмарах. Если каркас не выдержит, если подушки не сработают — репутация умрёт за час.

— Статус владельца? — спросил я тихо.

— Жив. Легкие ушибы. В шоке, но жив.

Я выдохнул. Только потом мне прислали фото кузова. Морда машины была смята в гармошку. Капот вспучен. Но салон... Салон остался целым. Двери открылись. Стойки не сложились. Владелец прислал мне голосовое сообщение. Дрожащим голосом:

— Владимир... Спасибо. Она меня спасла. Я жив только потому, что она не сложилась. Я опубликовал отчёт о краше сразу. Без приукрашивания. «Система безопасности сработала. Энергопоглощение прошло по плану. Кузов восстановлению не подлежит, но жизнь сохранена». Это было лучше любой рекламы. Люди поняли: мы не экономим на безопасности. Потом пошли письма. Не от журналистов. От обычных людей.

«Спасибо за машину. Я врач, я теперь успеваю на вызовы даже в метель».

«Я отец троих детей. Наконец-то я не боюсь везти их в школу».

«Я дальнбойщик. Я отдыхаю в кабине, а не борюсь с рулём».

Благодарности копились в отдельной папке. Я читал их по ночам. Это было топливо. Важнее денег.

Прибыль росла. Совет директоров предлагал дивиденды. Предлагали мне личную яхту, виллу, всё, что положено успешному CEO.

Я отказался.

— Всё в реинвестиции, — сказал я на собрании. — Новые станки. Новые цеха. Обучение людей.

Мы купили ещё землю рядом с заводом. Заложили фундамент под новый корпус. «ХcyberKОтpану» разрасталась как живой организм.

Слава имеет обратную сторону. Телефон начал звонить по ночам. Неизвестные номера.

— Володь, привет! Это Серёга, с завода. Помнишь меня?

— Привет, Серёга.

— Слушай, тут дело такое... Ты же теперь богатый. Может, займешь? Или устрой к себе?

Я слушал их голоса. Те, с кем я работал плечом к плечу. Те, кому я не сказал ни слова, когда уходил в неизвестность. Теперь они хотели быть частью успеха.

Я не злился. Я понимал. Люди меняются под давлением обстоятельств.

— Резюме на почту, — отвечал я сухо. — HR рассмотрит. Как всех.

Некоторые обижались. Некоторые понимали. Но сложнее было с родителями. Они видели меня по телевизору. Они читали статьи. Они знали, что их сын — тот самый Хлебников. Мама звонила часто.

— Вова, ты не переутомляешься?

— Нет, мам. Всё хорошо.

— Мы гордимся. Но будь осторожен.

Они не просили денег. Они просили, чтобы я был жив. Это было единственное, что могло заставить меня отложить дела. Я приезжал к ним на выходные. Сидел на кухне. Пил чай. Они смотрели на меня как на чужого и своего одновременно.

— Ты изменился, — сказал отец однажды.

— Время меняет, — ответил я.

— Нет. Ты стал... тяжелее.

— Ответственность весит много.

Меня узнавали на улице. Всё чаще.

— Это он?

— Тихо ты.

Иногда подходили. Просили фото. Я не отказывал. Я помнил, каково это быть никем. Но главный экзамен был впереди. Зима. Сибирская зима.

Прогноз обещал аномальные холода. Два месяца без оттепели. Ночью до минус пятидесяти. Днём не выше тридцати.

Для любого автомобиля это пытка. Масло густеет. Резина дубеет. Электроника глючит. Аккумуляторы умирают. Для «Тигра» это было испытанием на право называться сибирским. Я знал технические характеристики. Я знал расчёты. Но теория и практика — разные вещи. Я ждал первого утра минус сорока. В ангаре было тихо. Инженеры смотрели на меня.

— Запускаем мониторинг? — спросил Сергей.

— Запускайте.

Мы подключились к телеметрии всех пяти тысяч машин. Карта страны покрылась точками. Зелёными — всё нормально. Красными — проблемы. Наступила ночь. Мороз усиливался. Я не спал. Сидел в офисе. Смотрел на экран. Минус тридцать. Минус тридцать пять. Минус сорок. Утро. Я взял телефон. Набрал номер владельца в Норильске.

— Алло?

— Здравствуйте. Это Хлебников. Как машина? Завелась?

Пауза.

— Владимир? — владелец был в шоке. — Завелась. С полуоборота. В салоне тепло через пять минут.

Я набрал следующий. Якутск.

— Завелась. Греет как печка.

Томск.

— Работает.

Я смотрел на карту. Точки горели зелёным. Красных не было. Ни одной. Пять тысяч двигателей V6 пережили ночь в минус сорок. Я откинулся в кресле. Руки дрожали. Не от холода. От напряжения, которое копилось месяцами. Мы сделали это. Соцсети взорвались через неделю. Люди снимали видео. Вот «Тигр» выезжает из сугроба, где застрял японский внедорожник с именитым брендом. Вот «Тигр» паркуется на сугробе, не проседая. Вот колонна «Тигров» идёт по зимнику, где другие машины боятся даже выезжать. Но больше всего запомнилось видео с трассы. Фура съехала в кювет. Застряла намертво. Водитель в отчаянии.

Подъехал чёрный «Тигр». Владелец, обычный парень из Иркутска, зацепил трос. Газанул. V6 на 500 сил натянул трос как струну. Колеса провернули снег, нашли сцепление. Фура медленно, со скрипом, вылезла на дорогу. Водитель фуры вышел, снял шапку. Подошёл к окну «Тигра».

— Что за зверь?

— «Тигр», — ответил парень. — Сибирский.

Это видео набрало десять миллионов просмотров. Народное название приклеилось намертво. «Сибирский Тигр». Больше никто не спрашивал про экспорт. Больше никто не сомневался в качестве. Зима показала всё. Мы пережили два месяца холода. Система электролиза спала (как и было запланировано, блокировка ниже +5°C работала корректно), но гибридная связка бензин-электричество справлялась идеально. Салон держал тепло. Двигатель не перегревался в пробках и не остывал на стоянках. Доверие было завоёвано. Не словами. Не

выставками. Морозом. Снегом. Дорогой. Я стоял у окна офиса. На улице мело. Завод гудел. Парковка была заполнена новыми машинами. Готовыми к отгрузке. Мы масштабировались. Но я чувствовал: машины — это только платформа. Железо есть. Доверие есть. Люди есть. Теперь нужно было дать им больше, чем просто транспорт. Зима заканчивалась. Но я знал: после зимы всегда приходит весна. А весной всё растёт. В том числе и аппетиты. В том числе и конкуренция.

Глава III. Золотая полоса

Возраст: 28–29 лет

Локация: Новосибирск, Завод «XcyberKOmpany»

Зима ушла. Снег превратился в воду, вода потекла в реки, а реки вышли из берегов. Для Новосибирска весенний паводок — это стихия, с которой бесполезно спорить. Красный проспект, главная артерия города, превратился в канал. Уровень воды поднялся на метр. Машины тонули. Автобусы вставали посреди дороги, глушили двигатели и ждали эвакуаторы. Водители выходили на крыши, снимали происходящее на телефоны. И среди этой статики появилось движение. Чёрный силуэт. Высокий. Уверенный. «Тигр» шёл сквозь воду как ледокол. Волна расходилась от капота. Водитель не сбавлял скорости. Воздухозаборник, спроектированный мной лично, стоял высоко, под самым капотом. Салон был герметичен. Клиренс в 230 мм работал так, как задумано. Он гордо проехал сквозь затопленный участок, оставив позади беспомощные машины, убившие свои двигатели. И ушёл своей дорогой. Не останавливаясь. Не хвастаясь. Видео выложили через час. Название: «Тигр против Потопа». Просмотры разлетелись на десятки миллионов за сутки. Комментарии были едины:

«Это не машина. Это лодка.»

«Другие утонули, этот плывёт.»

«Инженеры знали, что делают.»

Это был лучший маркетинг. Бесплатный. Честный. Жёсткий. Производство набирало обороты. Мы не остановились на пяти тысячах. Мы не остановились на пятидесяти. Конвейер работал в три смены. Станки не остывали. Мы вышли на планку: 170 000 штук в год. Для автогиганта это мало. Для стартапа, которому три года — это рекорд, граничащий с чудом. Главное было не количество. Главное — качество. Я внедрил систему двойного контроля. Каждый узел проверялся человеком и машиной. Каждый автомобиль перед отгрузкой проходил тест-драйв обкатку в 4000 км. Прибыль росла экспоненциально. Акции «XcyberKOmpany» летели вверх. Инвесторы, которые раньше крутили пальцами у виска, теперь умоляли о встрече. Государство обращало на нас внимание. Приходили проверки. Приходили предложения. Приходили награды. Я принимал всё спокойно. Мы работали в правовом поле. Нам нечего было скрывать. Спустя год после старта массовых продаж в сети разлетелось другое видео. Тон был иным. Тревожным. Заголовок: «У Тигра умер двигатель». Скептики потирали руки. Наконец-то. Подвох. Брак. Крах легенды. Я посмотрел видео сам. В кадре был мужчина. Уставший. Спокойный. Рядом стоял «Тигр». Чёрный, весь в пыли дорог.

— Вот, — сказал он. — Заглох. Не заводится.

Камера показала одометр. Цифры горели чётко: 870 000 км. Тишина в моем офисе была абсолютной.

870 тысяч.

Я обещал 600 тысяч без капитального ремонта. Он проехал почти миллион километров. На одном двигателе. Без вскрытия. Без замены поршней. Это не было поломкой. Это было достижение. Я выпустил заявление через час.

«Двигатель отработал свой ресурс с превышением нормы в 45%. Владелец получит новый двигатель бесплатно. Плюс пожизненное ТО. Спасибо за доверие».

Скандал превратился в триумф. Форумы взорвались.

«870 тысяч?!»

«Я на Тойоте столько не проезжу.»

«Это ресурс танка.»

Доверие стало монолитом. Его нельзя было пробить. Я собрал первых двадцать инженеров. Тех, с кем я начинал в первом ангаре. Тех, кто верил мне, когда я был просто парнем с деньгами и идеей. Они стояли в цеху. В новой форме. Уставшие, но счастливые.

— Вы — фундамент, — сказал я. — Без вас ничего бы не было.

Я вручил каждому конверт. Внутри — приказ о повышении. Они становились руководителями производственных направлений. И ключи.

У ворот стояли двадцать новых «Тигров». У каждого — серебряная полоса. Почти как у моего.

— Это вам, — сказал я. — Личный экземпляр. Серийный номер от 1 до 20.

Сергей, мой первый механик, держал ключ в руке. Молчал. Потом кивнул.

— Сделаем ещё лучше, Владимир.

— Я знаю, — ответил я.

Мы обнялись. Это была моя семья. Моя гвардия. Вечер. Офис. За окном темнота. Завод гудит даже ночью. На столе — отчёты. Прибыль. Планы. Экспортные заявки, которые я всё ещё придерживаю. Всё хорошо. Всё идеально. Компания стоит на ногах. Продукт признан. Люди довольны. Но я сижу и смотрю в темноту. В голове тишина. Но в этой тишине рождается шум. Маленькая мысль. Почти незаметная. Навязчивая. Она приходит всё чаще. Месяц за месяцем. Неделя за неделей. День за днём. Я смотрю на телефон. Лежит на столе. Чёрный прямоугольник. Я смотрю на компьютер. Монитор светится. Я смотрю на ключи от «Тигра». Металл. Пластик.

«Возможно ли поставить под сомнение все наши технологии?»

Машина — это хорошо. Но машина снаружи. Она возит тело. А что внутри? Что, если объединить их? Переработать? ПК. Телефон. Автомобиль. Биология. Что-то новое. Что-то более личное. Я чувствую, как эта мысль пускает корни. Она глубже, чем двигатель. Она сложнее, чем кузов. Это не просто транспорт. Это среда обитания. Я построил тело. Теперь нужно построить нервную систему. И, возможно... сознание. Я закрываю глаза. В темноте вижу не машину. Я вижу сеть. Я вижу себя. Маска на моём лице становится тонкой, как бумага. Я понимаю: автомобиль был только прелюдией. Настоящая работа начинается сейчас...

Глава IV. Лаборатория.

Возраст: 29–30 лет

Локация: Новосибирск, Академгородок

Производство «Тигров» шло стабильно. Конвейер работал как швейцарские часы. План выполнялся, иногда мы даже опережали график. Завод жил своей жизнью: гудели станки, спорили мастера, отгружались партии машин. Деньги поступали на счета регулярно, акции росли, репутация была монолитной. Но мне было тесно. «Тигр» был телом. Мощным, надёжным, красивым. Но без нервной системы тело — просто грудa металла. Я чувствовал это кожей. Успех автопрома не заглушал мысль, которая зародилась ещё в конце третьей главы. Она росла, как опухоль. Хорошая опухоль. Та, что даёт силу, а не отнимает жизнь. Я вызвал к себе Сергея. Моего первого механика, теперь — директора производства.

— Ты справишься? — спросил я.

— Мы справимся, Владимир, — ответил он уверенно. — Конвейер отлажен. Люди знают задачи.

— Хорошо. Я ухожу в тень. По вопросам производства — к тебе. Ко мне — только если горит завод.

Он кивнул. Он понимал. Они все понимали: когда я исчезал, значит, готовилось что-то новое. Я снова закрылся в себе. Как когда-то давно, в гараже. Как в те ночи перед крипто-взлётом. Дни превратились в недели. Недели — в месяцы. Я не появлялся в цехах. Я не давал интервью. Мой личный «Тигр» с золотой полосой стоял в гараже, покрытый тонким слоем пыли. Я общался с ИИ. Изучал статьи. Форумы. Научные публикации. Нейробиология. Кибернетика. Микроэлектроника. Хирургия.

Я углублялся в работу мозга. Это было сложнее, чем двигатель V6. Двигатель можно разобрать, посмотреть, замерить. Мозг нельзя было просто вскрыть и понять код. Это была аналоговая система, работающая на химии и электричестве. И я хотел подключить к ней цифру. Моя цель была чёткой: микрокомпьютер для связи и подключения к мозгу. Не внешний шлем. Не очки. Вживляемое устройство. Машина, которая становится частью головы. Которая работает в унисон с телом. Я действовал тихо. Без огласки. Без пресс-релизов. Через цепочку дочерних компаний, зарегистрированных на разных лиц, я снял помещение. Старый корпус на окраине Академгородка. Когда-то здесь были биотехнологические лаборатории. Теперь они пустовали. Мы переоборудовали его. Чистые комнаты. Системы вентиляции. Оборудование для микроэлектроники и хирургических тестов. Всё было сделано так, чтобы никто не знал. На вывеске значилось нейтральное название: «Исследовательский центр перспективных материалов». Ничего про кибернетику. Ничего про «XcyberKOnpany». На сайтах по поиску работы тихо и без хайпа начали появляться вакансии. «Требуется нейрохирург. Проект исследовательский. Высокая оплата. Конфиденциальность». «Инженер-микросхемотехник. Работа с биосовместимыми материалами». «Специалист по интерфейсам мозг-компьютер». Люди откликались. Сначала осторожно. Потом с интересом. Я не нанимал их через HR. Я встречался лично. Я приезжал к некоторым учёным и докторам наук. Тихо. Без огласки. Кабинеты в университетах. Квартиры. Кофейни в глухих переулках. Я смотрел им в глаза. Проверял не только знания, но и готовность к риску.

— Вы понимаете, что мы можем нарушить закон? — спросил один профессор, седой мужчина с уставшими глазами.

— Мы можем изменить будущее, — ответил я. — Закон меняется медленнее, чем технологии.

— Зачем вам это? — спросила молодая нейрохирург. — У вас есть заводы. Деньги. Слава.

— Мне мало просто возить людей из точки А в точку Б, — сказал я. — Я хочу расширить точку Б.

Они соглашались. Не ради денег. Ради интереса. Ради вызова. Таких людей было мало. Но они были. Через полгода я собрал первую команду. Инженеры. Учёные. Хирурги. Двенадцать человек. Мы встретились в новой лаборатории. Белые стены. Гул оборудования. Запах стерильности. Я стоял перед ними. Они смотрели на меня. Они знали, кто я. Владимир Хлебников. Человек, который сделал «Тигра». Но здесь я был не автопроизводитель. Я был заказчиком невозможного.

— Вы подписали договоры о неразглашении, — начал я. Голос тихий, в пустом зале. — Нарушение означает не только суд. Это конец карьеры. Везде. Вы меня поняли?

Они кивнули. Молча.

— Хорошо.

Я вышел к экрану.

— Я представляю вам идею.

Это была не просто презентация. Это была исповедь. Я рассказал про «Сингулярность». Про то, что человек ограничен скоростью своего биологического интерфейса. Мы думаем быстро, но говорим медленно. Печатаем медленно. Водим машину медленно.

— Мы будем делать мост, — сказал я. — Прямое подключение.

Я предоставил им то, что уже придумал. Самую малую часть. Но это была основа. Чертежи микрочипа. Схемы подключения к нейронным узлам. Протоколы шифрования сигнала.

— Это невозможно, — сказал один из инженеров. — Биологическое отторжение...

— Мы используем углеродные нанотрубки, — перебил я. — И искусственную кровь для охлаждения.

— Это опасно, — сказала хирург. — Риск инсульта.

— Мы минимизируем его. Мы сделаем это безопаснее, чем полёт на самолёте.

Они смотрели на схемы. Молчали. Считали в уме. Я видел, как в их глазах загорается тот же огонь, что был у моих первых механиков в гараже. Огонь первопроходцев.

— Мы начнём с основы, — сказал я. — С проектирования. Никаких тестов на людях, пока я не буду уверен на 100%. Сначала симуляции. Потом биоматериалы.

— Когда первый прототип? — спросил профессор.

— Через год, — ответил я.

— Это нереально быстро.

— У нас есть ресурсы. И у нас нет выбора.

Мы начали разработку. Лаборатория ожила. Днём здесь тихо гудели серверы. Ночью горел свет в операционных залах, где тренировались на биоманекенах. Я проводил здесь всё время. Спал на диване в кабинете. Ел то, что приносили сотрудники. Это было сложнее, чем строить завод. Здесь ошибка стоила не денег. Здесь ошибка стоила разума. Я чувствовал ответственность. Тяжёлую, холодную. Но я знал: это следующий шаг. «Тигр» дал нам ресурсы. Лаборатория даст нам будущее. Я стоял у окна лаборатории. Вдалеке, виднелись огни завода «ХcyberKOMPany». Там собирали машины.

А здесь, в тишине, мы собирали новую эволюцию. Я положил руку на стекло.

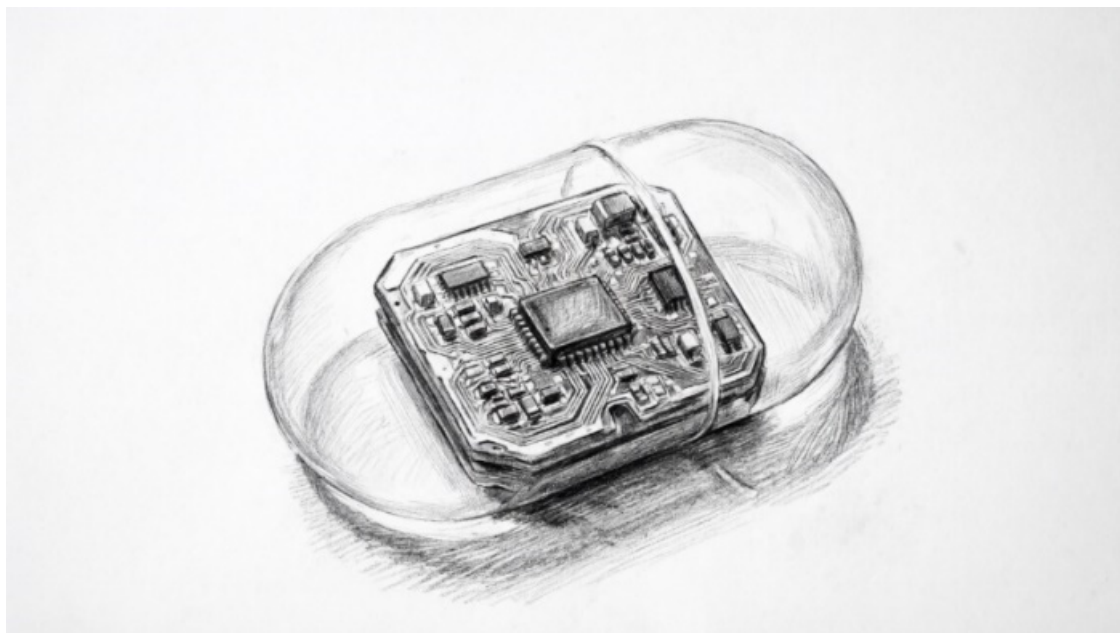
— Получится, — прошептал я.

В отражении я увидел себя. Усталого. Сосредоточенного. Маска стала частью лица. Но под ней теперь было не лицо работяги. Лицо архитектора нового человека. Команда работала. Схемы ложились на стол. Чипы проектировались слой за слоем. Мы не спешили. Но мы не останавливались. Это было начало. Начало того, что изменит всё. Не только страну. Не только экономику. Человека.

Глава IV. Лаборатория. Путь.

Возраст: 30 лет

Локация: Новосибирск, Секретная лаборатория «ХcyberKOMPany»

Было много ошибок. Пересчётов. Тупиков. Прогресс шёл очень медленно. Но шёл. В кино учёные делают открытия под весёлую музыку, за один вечер. В реальности это месяцы тишины, прерываемые звуком разбивающихся колб и раздражёнными голосами инженеров. Мы проектировали чип. Собирали прототипы. Запускали. Иногда не работала техника. Отказывала микроэлектроника. Сгорали транзисторы. Но чаще всего подводила биология.

Мозг — это не плата компьютера. Это живая, влажная, непредсказуемая среда. Он отторгал чужеродные материалы. Он реагировал на малейшие изменения температуры. Он защищался. Мы изучали. Связывались с лучшими людьми в этих областях. Интересовались. Искали обходные пути. Мы надеялись хотя бы на уровень испытаний на животных. Но и до этого было далеко. Каждая неудача была по бюджету. Но хуже — по морали. Команда уставала. Я видел это в их глазах.

— Может, стоит упростить? — спрашивал один из инженеров. — Сделать внешнее питание?

— Нет, — отвечал я. — Если мы делаем интерфейс, он должен быть частью тела. Никаких проводов наружу. Никаких батарей, которые нужно менять.

И вот, спустя восемь месяцев после старта лаборатории, мы придумали. Идея пришла не ко мне. Её предложил наш нейробиолог, бывший профессор университета.

— Мозг вырабатывает избыточное электричество, — сказал он на совете. — Особенно в моменты активной фазы. Мы можем брать этот излишек. Питать им чип.

Я замер.

— Он может быть автономным?

— Да. Полностью.

Я радовался. В тот вечер я впервые за полгода улыбнулся по-настоящему. Это решало главную проблему. Энергонезависимость. Устройство становится паразитом только в начале. Потом оно живёт за счёт хозяина. Симбиоз. Но мы ещё только начали. И уже прошли через столько ошибок. Прогресс давался нам тяжело. Каждый миллиметр продвижения стоил нервов. Я брал телефон пару раз в день. Просто листал новости. Там было много всего. В основном политика. Скандалы. Кризисы. И мой «Тигр». Новости о том, как снова просили экспорт. Европейские дилеры, азиатские партнёры. Они хотели машину. Прямо сейчас. Но главный Сергей, которого я оставил руководить производством, придерживался всё той же позиции.

— Сначала своим, — говорил он в интервью. — Рынок внутри страны не насыщен. Мы не можем продавать наружу, пока наши люди стоят в очередях. Журналисты давили.

— Где Хлебников? — спрашивали они. — Почему он молчит? Пропал? Устал от славы? Сергей отвечал коротко:

— Он работает.

Я читал эти строки в экране телефона, сидя в стерильной тишине лаборатории. «Он работает». Если бы они знали, что это значит. Они думали, я отдыхаю на вилле. Или планирую новый завод. А я сидел над схемами нейроинтерфейса, пытаюсь понять, как не свести человека с ума, подключив его к цифре. Производство чипа шло медленно. Мы делали их вручную. В чистых комнатах. Каждая партия — тесты. Иногда удача. Чаще — брак. Биология сопротивлялась. Ткани воспалялись вокруг тестовых образцов. Сигнал терялся. Шумы заглушали данные. Мы надеялись хотя бы на уровень испытаний на животных. Но и до этого было далеко. Нужно было решить вопрос биосовместимости. Нужен был материал, который мозг примет за своего. Мы перебирали сплавы. Полимеры. Углеродные структуры. Я смотрел на микроскоп. Там, на экране, была будущая связь человека и машины. Хрупкая. Сложная. Опасная. Я откладывал телефон. Новости о «Тигре» грели душу, но не занимали ум. Машина была телом. А здесь, в лаборатории, мы создавали душу для нового мира. И эта душа пока не хотела рождаться.

— Продолжаем, — говорил я команде.

Они кивали. Уставшие, но верные. Мы знали: если мы сдадимся сейчас, всё будет напрасно. «Тигр» дал нам ресурсы. Но только этот чип даст нам будущее. Я смотрел на прототип. Маленький кристалл на столе. Он лежал тихо. Не светился. Не гудел. Но я знал: внутри него зашит код, который изменит всё. Автономное питание от мозга. Это был ключ. Теперь нужно было найти замок. Мы продолжали. День за днём. Ошибка за ошибкой. Шаг за шагом. За окном была зима. Или весна. Я уже не следил за календарём. Время измерялось не месяцами. Оно измерялось итерациями.

Версия 1.4. Версия 1.5. Версия 2.0. Я знал: мир снаружи ждёт новостей. Акции растут. Завод гудит. Люди ждут нового слова от Хлебникова. Но я молчал. Потому что нельзя говорить о чуде, пока оно не случилось. Нельзя обещать бессмертие разума, пока чип не прошёл даже базовые тесты. Я выключил свет в лаборатории. Остался только свет от серверов. Голубое мерцание. Как дыхание.

— Мы справимся, — сказал я в тишину.

Голос эхом отразился от стен. Никто не ответил. Но я знал: они слышали. И они верили. Так же, как верили мне те двадцать инженеров в гараже, когда мы собирали первый двигатель «Тигра». История повторялась. Но на новом уровне. Тогда мы победили металл. Теперь нам нужно было победить плоть.

Глава IV. Лаборатория. Смерть.

Возраст: 30–31 год

Локация: Новосибирск, Секретная лаборатория «ХcyberKOMPany»

Прогресс шёл рывками. День тишины. Неделя прорыва. Месяц отката назад. Мы проектировали чип. Собирали прототипы. Запускали. Иногда не работала техника. Отказывала микроэлектроника. Сгорали транзисторы. Но чаще всего подводила биология. Мы надеялись хотя бы на уровень испытаний на животных. Но и до этого было далеко. В коллективе начались споры. Сначала тихие. Шёпотом в коридорах. Потом громче. На советах. Они разделились на три лагеря. Первые говорили, что это неправильно.

— Мы играем в Бога, — сказал один из нейробиологов, пожилой профессор с седыми бровями. — Вмешиваться в сознание... Это не лечит. Это меняет природу человека.

— Мы расширяем возможности, — возражал я.

— Вы стираете границы, — отвечал он. — Где закончится человек и начнётся машина? Вторые говорили, что это естественная эволюция.

— Человек всегда использовал инструменты, — говорил молодой инженер, выпускник технического вуза. — Копьё. Колесо. Компьютер. Это следующий шаг. Интерфейс — это просто новое оружие для выживания.

— Мы помогаем виду, — добавляла хирург. — Если мы можем улучшить память, скорость реакции, обучение — мы обязаны это сделать.

Третьи говорили, что это слишком опасно.

— Что будет при взломе? — спрашивал специалист по кибербезопасности. — Если чип можно подключить к сети, его можно взломать. Кто-то получит доступ к мыслям. К памяти. К личности.

— Мы создаём уязвимость, — говорил он. — Не в системе. В человеке.

Споры затихали, когда я выходил из кабинета. Но я знал — они продолжаются без меня. Я видел это в их глазах. Сомнение. Один учёный ушёл. Просто не пришёл на работу. Написал письмо: «Не могу нести эту ответственность. Простите». Я не держал. Кто не верит — не должен быть здесь. Но остальные остались. И я должен был дать им ответ. Вечер. Лаборатория пуста. Сотрудники разошлись по домам. Охрана дежурит у ворот. Я один. На столе — схемы. Графики. Протоколы тестов. Рядом — бутылка. Я не пил раньше. Не было времени. Не было нужды. Теперь — было и то, и другое. Я наливал. Сидел в тишине. Смотрел на чертёж чипа. Маленький кристалл. Меньше ногтя. Сколько жизней он изменит? Сколько сломает? Я делал глоток. Жжение в горле. Тепло в груди. Но не облегчение. Иногда я срывался. Швырял ручку в стену. Бил кулаком по столу. Однажды перевернул стул. Я думал, что никто не видел. Но потом Сергей, директор производства, прислал сообщение:

— Владимир, я видел запись с камер. Ты в порядке?

Я не ответил. Откуда он знал? Охрана показала. Они беспокоились. Я стирал записи. Но они знали. Родители звонили. Коротко. Сдержанно.

— Вова, как ты?

— Нормально, мам. Работаю.

— Ты ешь?

— Ем.

— Приедешь?

— Не могу. Потом.

Они знали. Если я так себя веду — мне тяжело. Что-то происходит. Но они не спрашивали. Они ждали. Друзья из прошлого писали.

Те, с кем я работал на заводе. Те, кто знал меня до всего.

— Володь, привет! Давно не виделись. Может, встретимся?

— Я занят.

— Понимаем. Но ты же не пропал?

— Нет.

Я не брал трубку. Не отвечал на сообщения. Я не мог быть тем, кем они меня помнили. Тот Владимир умер в гараже, когда собрал первый двигатель. Этот — нёс что-то другое. Я изолировался. Не от страха. От необходимости. Когда ты строишь мост над пропастью — нельзя отвлекаться на пейзаж. Однажды споры вышли из-под контроля. На совете.

— Мы не можем продолжать, — сказал профессор. — Без этического комитета. Без разрешения.

— Мы получим разрешение, когда докажем безопасность, — ответил я.

— Мы не докажем, пока не попробуем, — возразил хирург. — Замкнутый круг.

— Я предлагаю приостановить, — сказал третий. — До ясности.

Они смотрели на меня. Ждали решения. Я встал. Подошёл к доске. Взял маркер.

— Первый человек, которому установят чип, — сказал я тихо, — буду я сам.

Тишина. Абсолютная.

— Владимир, — начал профессор. — Это...

— Я не прошу вас рисковать, — перебил я. — Я прошу вас работать. Если чип опасен — я умру первым. Если безопасен — вы получите разрешение на дальнейшие тесты.

— Это безумие, — сказала хирург.

— Это ответственность, — ответил я. — Я не отправлю никого на то, на что не готов пойти сам.

Споры затихли. Не потому что они согласились. А потому что они поняли: я не отступлю. Мы решили испытать чип на хомяках. Упрощённая версия. Через провода. Передача мыслей. Образов. Для полного функционала нужно сознание. Но это лишь начало. Первая партия — десять животных. Мы подключали чип к зрительной коре. Подавали сигнал: свет. Звук. Изображение. Смотрели, реагирует ли мозг. Три хомяка умерли в первые сутки. Отторжение. Мозг не принял чужеродный сигнал. Нейроны сгорели. Два — выжили, но чип перегрелся. Один — начал конвульсии. Мы отключили питание. Но было поздно. Трое — показали реакцию. Слабую. Нестабильную. Но реакцию. Я смотрел на мёртвых животных в клетке. Маленькие тела. Холодные. Я чувствовал вину. Но не останавливался.

— Увеличиваем теплоотвод, — сказал я. — Меняем сплав на графеновый. Уменьшаем напряжение.

— Владимир, — начал инженер. — Может, стоит паузу?

— Нет, — ответил я. — Продолжаем.

Следующая партия — двадцать хомяков. Пять умерли. Десять показали стабильный сигнал. Пять — передали образ. Я видел данные на экране. Простой образ: круг. Квадрат. Линия. Но это было. Мозг принял сигнал. Машина передала мысль. Я сидел в лаборатории. Ночь. Смотрел на график. Линия шла вверх. Прогресс. Но какой ценой? Я считал мёртвых. Тридцать восемь животных за два месяца. Я записывал каждого. Имя. Дата. Причина смерти. Я не прятал цифры. Я нёс их.

Глава IV. Лаборатория. Образ.

Возраст: 31–32 года

Локация: Новосибирск, Секретная лаборатория «ХcyberKOMPany»

Я начал выбираться из лаборатории в мир. Не сразу. Не полностью. Но постепенно. После месяцев затворничества, после ночей, проведённых над схемами чипа, я понял: я не могу быть только здесь. В стерильной тишине. В отрыве от реальности. Я стал появляться на заводе. Раз в неделю. Потом чаще. Сергей встречал меня у ворот.

— Живой, — говорил он с улыбкой.

— Пока да, — отвечал я.

Я ходил по цехам. Смотрел на конвейер. На людей. На «Тигров», которые сходили с линии. 170 000 машин в год. Это было реально. Это работало. Но я знал: это только платформа. Только тело. А душа... душа рождалась в лаборатории. Я всё ещё проводил там много времени. Работал. Изучал. Предлагал идеи. Но я перестал спать на диване в кабинете. Я перестал пить по вечерам в одиночестве. Я понял: мне нужно сохранять ясность. Для следующего этапа. Следующий этап — обезьяны. Не хомяки. Не крысы. Приматы. Ближе к человеку. Сложнее. Опаснее. Я собрал команду.

— Мы переходим к тестам на приматах, — сказал я.

Тишина.

— Владимир, — начал профессор. — Это другой уровень. Этический комитет...

— У нас нет этического комитета, — перебил я. — У нас есть цель.

— Это риск. Если узнают...

— Не узнают. Лаборатория зарегистрирована как центр перспективных материалов. Тесты на биоматериалах. Формально — всё чисто.

Они знали: я не отступлю. Мы начали готовить базу. Передача информации. Минимальное общение. Это была первая задача. Не управление. Не слияние. Просто... сигнал. Мы вживляли чип упрощённой версии. Через провода. Внешнее питание. Подключали к зрительной коре. Подавали образ. Смотрели — реагирует ли мозг. Первая обезьяна умерла через три дня. Отторжение. Ткани воспалились. Температура поднялась. Мы вскрыли. Чип был покрыт белой коркой. Иммунная система атаковала его как вирус. Вторая — прожила неделю. Но сигнал терялся. Шумы заглушали данные. Мы проверяли. Проблема в контакте. Нейроны не принимали чужеродный материал. Третья — показала результат. Образ. Простой. Красный круг. Обезьяна видела его. Реагировала. Тыкала пальцем в экран, где появлялся круг. Но это было через провода. Через внешнее подключение.

— Прогресс, — сказал я.

— Медленный, — ответил инженер.

— Зато настоящий.

Отторжение стало главной проблемой. Мы перебирали материалы. Углеродные нанотрубки. Золотое напыление. Биополимеры. Искусственная кровь для охлаждения. Ничего не работало идеально. Мозг защищался. Он не хотел принимать чужое. Я сидел в лаборатории. Ночь. Смотрел на чип под микроскопом. Маленький. Сложный. Красивый. И смертельно опасный.

— Мы не можем заставить мозг принять его, — сказал профессор. — Но мы можем обмануть.

— Как?

— Сделать его невидимым. Для иммунной системы.

Мы начали работать над покрытием. Слой за слоем. Нано-оболочка. Имитация биологических клеток. Четвёртая обезьяна прожила месяц. Пятая — два. Шестая — три. Прогресс. Медленный. Но прогресс. Разработка интерфейса. Чип — это железо. Ему нужно ПО. Я собрал команду программистов. Отдельный этаж. Отдельный доступ. Они не знали, для чего это. Только технические задачи.

— Нам нужно передать визуальный сигнал прямо в кору, — объяснял я. — Без глаз. Без нервов. Прямо в мозг.

— Это... — программист смотрел на меня. — Это возможно?

— Мы проверим.

Мы начали писать код. Язык, который мозг поймёт. Не текст. Не изображение. Нейронный паттерн. Первые тесты провалились. Обезьяна видела хаос. Шум. Пятна. Мы корректировали. Переводили. Снова тестировали. Через четыре месяца — первый успех. Обезьяна получила образ. Яблоко. Она потянулась к яблоку на экране. Но яблока не было. Только сигнал в голове. Я смотрел на запись. Руки дрожали. Это работало. Связь с интернетом. Это был следующий шаг. Чип не должен быть изолирован. Он должен иметь доступ. Мы разрабатывали протокол. Шифрование. Защита от взлома. Кибербезопасность.

— Если кто-то получит доступ к чипу... — начал специалист по безопасности.

— Он получит доступ к мыслям, — закончил я.

— Это катастрофа.

— Поэтому мы сделаем так, чтобы это было невозможно.

Три уровня защиты. Аппаратный. Программный. Биологический.

Последний — самый важный.

Чип должен отключаться при попытке несанкционированного доступа. Саморазрушение данных. Лучше потерять информацию, чем потерять человека. Мы работали над этим полгода. Каждую уязвимость. Каждую лазейку. Каждый риск. Я не спал. Проверял код. Лично. Строка за строкой. Это была не просто программа. Это была крепость. Внутри головы. Видеть интерфейс глазами. Но только в голове. VR. Но без шлема. Без очков. Без проводов. Я описывал задачу команде.

— Представьте: вы закрываете глаза. Но видите.

Меню. Настройки. Статус. Всё — внутри. Программисты смотрели на меня.

— Это... это как?

— Как сон. Но вы не спите.

— Мы можем это сделать?

— Мы должны.

Мы начали разработку. Визуальный слой. Нейронная проекция. Тесты на обезьянах. Одна из них научилась. Закрывает глаза. Потянулась к точке в воздухе. Где не было ничего. Но в её голове — было. Я смотрел на запись. В тишине. Это было начало. Не слияния. Но подключения. Порт для подключения устройств. Возле виска. Маленький. Незаметный. Я рисовал схему.

— Здесь. Под кожей.

Магнитный контакт. Без проводов наружу.

— Зачем? — спросил хирург.

— Для расширения. Чип — это база. Но иногда нужно подключить что-то внешнее.

— Это риск. Инфекция...

— Мы сделаем герметично. Автономная крышка. Биополимер.

Мы разрабатывали порт три месяца. Тесты. Прототипы. Отказ. Снова тесты. На седьмом прототипе — получилось. Порт выдерживал. Не пропускал влагу. Не воспалялся. Я держал его в руке. Маленький. Круглый. Как монета. Но внутри — будущее. Я начал появляться в мире. Но не полностью. Родители звонили.

— Вова, где ты?

— Работаю, мам.

— Ты хоть ешь?

— Ем.

Я прилетал на выходные. Сидел на кухне. Пил чай. Они смотрели на меня.

— Ты изменился, — сказал отец.

— Я работаю над важным.

— Мы знаем. Но ты... далеко.

Я не знал, что ответить. Я был далеко. Не физически. Внутри. Друзья из прошлого писали. Я не отвечал. Не мог. У меня не было времени на прошлое. Только на будущее. Прогресс шёл медленно. Но шёл. Обезьяны. Интерфейс. Безопасность. Порт. Мы не спешили. Каждый шаг — проверка. Каждый тест — анализ. Каждая ошибка — урок. Я смотрел на чип. На столе. В тишине.

— Скоро, — сказал я.

Кому — не знал. Себе. Команде. Будущему. Мы приближались. К человеку. К первому. Я знал: следующий шаг — самый сложный. Не технически. Морально. Кто будет первым? Кто рискнёт? Кто доверит мне свой разум? Я откладывал этот вопрос. Пока рано. Сначала — безопасность. Сначала — гарантия. Я выключил свет. Лаборатория погрузилась в темноту. Только серверы мерцали. Голубое дыхание.

— Мы справимся, — сказал я.

В тишине. В темноте. В одиночестве. Но я знал: они слышат. Команда. Те, кто верит. Те, кто работает. Мы приближались. К точке невозврата. К Сингулярности.

Глава IV. Лаборатория. Никита Андреевич.

Возраст: 32 года

Локация: Новосибирск, Секретная лаборатория «ХcyberKОтpану» → Городская больница №5

Прогресс будто остановился.

Мы допилили разработку чипа. Последняя партия обезьян была в клетках с чипом и с внешним портом. Они видели образы. Кто-то лучше, кто-то хуже. Но чип работал. Не отторгался. Нано-оболочка стала невидимой для иммунной системы.

Это был великий прорыв.

Но я чувствовал тупик.

Обезьяна не может сказать нам, что она чувствует. Она может тыкнуть пальцем в экран. Может издать звук. Но она не скажет: «Меню слишком яркое» или «Я чувствую шум в голове». Нам нужна обратная связь. Только человек может описать субъективный опыт. Без этого мы слепы. Я понимал: следующий шаг — человек. Но где его взять? Здоровый доброволец? Это преступление. Слишком большой риск для здорового мозга. Больной? Тот, кому нечего терять? Я начал выбираться из лаборатории чаще. Временами посещал больницы. Страницы форумов. Группы поддержки. Невольно присматривался к некоторым людям. Я искал не просто тело. Я искал согласие. Осознанное. Отчаянное. Однажды, в обычной городской больнице, на третьем этаже неврологии, я нашёл его. Палата на четверых. Запах лекарств и безнадежности. В углу, у окна, лежал парень. Ему было лет двадцать семь. Он не двигался. Совсем. Только глаза. И веки. Медсестра шепнула мне:

— Боковой амиотрофический склероз. Последняя стадия. «Запертый человек». Сознание ясно. Тело мертво. Только моргать может.

Я подошёл ближе. Он посмотрел на меня. В его глазах не было страха. Только усталость. Глубокая, вековая усталость. Он узнал меня. Я видел это по расширенным зрачкам. Новости, телевизор, интервью про «Тигра». Лицо Хлебникова мелькало везде полгода назад. Я кивнул ему. Достал из доску с буквами. Ту, что использовали для общения с такими пациентами. Положил на грудь.

— Я буду читать строки. Моргни, когда нужна буква, — сказал я тихо.

Мы общались медленно. Буква за буквой. Слово за словом. Он строил предложение почти десять минут. Когда он закончил, я прочитал вслух:

«П. О. М. О. Г. И. М. Н. Е. У. М. Е. Р. Е. Т. Ъ».

Тишина повисла в палате. Мне было жаль его. Не как лабораторную крысу. Как человека. Я видел его историю в глазах. Боль. Беспомощность. Жизнь в тюрьме собственного тела. Я наклонился ближе.

— Я не могу помочь тебе умереть, — сказал я честно. — Это против закона. И против моей цели.

Он моргнул. Медленно.

— Но я могу предложить тебе кое-что другое.

Я рассказал ему. Тихо. Чтобы никто не услышал. Про чип. Про интерфейс. Про возможность управлять курсором. Голосом. Мыслями. Про риски.

— Это незаконно, — сказал я. — Испытания на людях не одобрены. Никаким комитетом.

— Но я обеспечу твою семью, — продолжил я. — Деньги. Жильё. Всё.

— В худшем случае... — я сделал паузу. — Ты получишь всё, что хочешь. Смерть. Операция рискованная. Мозг — территория неизвестная.

— В случае успеха... Ты сможешь общаться с близкими. Писать. Возможно, даже двигаться через экзоскелет. Сделать свою жизнь лучше.

Я смотрел ему в глаза.

— Тебя зовут как?

Он моргал.

«Н. И. К. И. Т. А. А. Н. Д. Р. Е. Е. В. И. Ч».

— Никита Андреевич, — повторил я. — Тебе сколько?

«2...7».

— Двадцать семь.

Он выслушал меня. Про чип. Про риски. Про предложения. Про смерть. Потом он отвернулся. Смотрел в стену. Почти пять минут. Я не торопил. Время для него текло иначе. Наконец, он повернул голову обратно. Моргнул один раз. Долго. Это означало «Да». Так начался прогресс. Испытание на человеке. Незаконно. Рискованно. Вывезти его из больницы было сложнее, чем собрать двигатель V6 в гараже. Нужно было оформить перевод. Фиктивные документы. Частная клиника, которой не существовало. Я использовал ресурсы компании. Деньги открывали двери, но не убирали следы. Мы действовали ночью. Реанимобиль без опознавательных знаков. Я сидел рядом с носилками. Никита смотрел в потолок.

— Ты понимаешь, что назад дороги нет? — спросил я тихо.

Он моргнул.

«З. Н. А. Ю».

В лаборатории меня ждали. Я собрал команду. Всех двенадцать. Они видели Никиту на койке в операционной. Лица были бледными.

— Это человек, — сказал профессор. Голос дрожал. — Владимир, это уголовная статья. Нас посадят.

— Нас не поймают, — ответил я. — Если получится.

— А если нет? Если он умрёт на столе?

— Тогда это будет несчастный случай в частной клинике. Документы чистые.

— Они не чистые, — возразил специалист по безопасности. — Это подделка.

— Это шанс, — перебил я. — Для него. И для нас.

Я смотрел на них.

— Я не заставляю вас участвовать. Кто хочет уйти — может выйти прямо сейчас. Зарплата за полгода вперёд. Молчание — по договору.

Никто не вышел. Они смотрели на Никиту. На человека, который хочет жить. Или хочет умереть. Но готов рискнуть.

— Мы начинаем завтра, — сказал я. — Подготовка сегодня вечером.

Сергей, мой директор производства, подошёл ко мне после собрания.

— Володь, — сказал он тихо. — Ты уверен?

— Нет, — ответил я честно. — Но я не вижу другого пути. Обезьяны — это тупик. Нам нужен человек.

— Это опасно. Для компании. Для тебя.

— Я знаю.

Ночь перед операцией. Я сидел в лаборатории. Рядом лежал чип. В стерильном контейнере. Маленький. Серебристый. В нём была свобода для Никиты. И эволюция для нас. Я думал о законе. О морали. О том, что мы делаем. Мы играем в Бога? Или просто помогаем тем, кого мир бросил? Никита спал. Под лёгким седативным. Я подошёл к койке. Посмотрел на его лицо. Он был спокоен. Впервые за годы, возможно. Потому что у него появился выбор. Я накрыл его простынёй. Выключил свет. Осталось только голубое мерцание серверов.

— Завтра, — сказал я в темноту.

Тишина ответила. Но я знал: завтра всё изменится. Или мы станем легендой. Или преступниками. Или мёртвыми. Но мы шагнём. Через черту. Вместе.

Глава IV. Лаборатория. Чудо или смерть.

Возраст: 32 года

Локация: Новосибирск, Секретная лаборатория «ХcyberKОmpany»

Перед операцией мы дали Никите сказать пару слов. Возможно, последних. Наркоз ещё не подействовал. Он лежал на столе, под яркими лампами. Глаза открыты. Взгляд спокойный. Мы подключили динамик к внешнему порту. Пока только для записи. Для связи. Я наклонился к нему.

— Ты уверен? — спросил я в последний раз.

Он моргнул. Один раз. Мы поднесли доску с буквами. Он не стал составлять фразу. Слишком долго. Слишком много сил. Он посмотрел на меня. И через сестру, которая понимала его мимику, передал:

— Спасибо. Если я умру — это будет подарок. Если всё получится — это будет чудо.

Тишина в операционной стала абсолютной. Я посмотрел на команду. Хирург держал скальпель. Рука дрожала.

До этого они сомневались. Спорили. Боялись ответственности. Но сейчас...

Им было жаль его. Жаль, что он даже не может умереть, если хочет этого. Жаль, что его жизнь — это ожидание конца в неподвижном теле. Эти слова сняли последние барьеры.

— Начинаем, — сказал я тихо.

Операция прошла напряжённо. Четыре часа. Каждая минута тянулась как год. Я стоял в углу. Не мешал. Смотрел на мониторы. Пульс. Давление. Активность мозга. Чип был мал. Место вживления — точное. Ошибка в миллиметр — и личность исчезнет. Но к счастью, всё прошло успешно. Шов наложили. Порт вывели возле виска. Герметично. Никиту перевели в палату восстановления. Первые сутки — тишина. Никита не подавал никаких признаков. Всё так же смотрел в одну точку. В потолок. Мы подключились к порту. Через внешний интерфейс вывели звук на динамик. Оставили его под присмотром. Я сидел рядом. На том самом стуле. Вечер. Динамик начал гудеть. Свистеть. Выдавать звук. Сигнал. Противный. Будто помехи в эфире. Старое радио, ловящее волну сквозь грозу.

Шшшш... Вииии... Шшшшш...

Никита так и уснул с этим сигналом. Я не спал. Сидел рядом всю ночь. Слушал этот шум. Это был голос чипа. Голос системы. Но не голос Никиты. Утро. Я проснулся от того, что динамик затих. Рано. Я не выспался. Голова тяжёлая. Я потянулся. Хрустнула шея. Посмотрел на Никиту. Он лежал неподвижно. И вдруг — он открыл глаза. Не просто моргнул. Открыл. Осознанно. Посмотрел на динамик. Из динамика послышалось. Искажённо. Металлически. Словно голос прогнали через мясорубку и синтезатор.

— И... вот... опять....

Я замер. Никита пристально смотрел на динамик. В шоке. Я тоже. Это было не записанное сообщение. Это было сейчас. Он подумал — чип перевёл — динамик озвучил. Никита начал пытаться воздействовать на динамик силой мысли. Я видел по его лицу. Он напрягался. Шумы. Помехи.

Вииии... Шшшшш...

Он слышал то, что было. И хотел услышать снова. Я сидел рядом. Молча наблюдал. Не вмешивался. Это был его момент. Его первая связь с миром за годы. Через некоторое время за стеклом собрались все коллеги. Те, кто оперировал. Те, кто писал код. Те, кто сомневался. Они видели мониторы. Видели активность. Динамик молчал минуту. Потом снова звук. Чётче. Кривое, но понятное:

— Зд... рав... ствуй... те.

По щеке Никиты покатилась слеза. Одна. Медленно. Он не мог вытереть её. Но он мог сказать «Здравствуйте». Он мог поприветствовать мир. Коллеги были в шоке. Не было аплодисментов. Не было криков «Ура». Было оцепенение. Они ворвались в палату. Стали обследовать его. Изучать данные с чипа. Подключали ноутбуки. Снимали показатели.

— Активность в речевой зоне...

— Синхронизация полная...

— Потерь данных нет...

Я всё ещё сидел в шоке на том самом стуле возле его кровати. Руки лежали на коленях. Не двигались. Я смотрел на Никиту. Он смотрел на меня. В его глазах не было страха. Было удивление. И надежда.

— Ты... слы... шишь... меня? — спросил я тихо.

Динамик ответил не сразу.

Шшш... Да...

Я выдохнул. Воздух вышел из лёгких со свистом. Мы сделали это. Не просто вживили чип. Мы дали голос. Тому, у кого его не было. День прошёл в хаосе. Данные. Графики. Логи. Команда работала без перерыва. Никита уставал. Интерфейс потреблял ресурсы мозга. Через шесть часов он уснул. Мы отключили динамик. Оставили только мониторинг. Я стоял в серверной. Смотрел на экраны. Зелёные точки. Активность чипа. Всё работало. Но внутри было тяжело. Я понимал: это только начало. Голос — это одно. Управление — другое. Безопасность — третье. Если мы можем дать голос... Мы можем и забрать. Если мы можем подключить к интернету... Нас могут взломать. Я вспомнил слова Никиты.

«Если я умру — это будет подарок».

Он не умер. Но его жизнь изменилась навсегда. И моя тоже. Я вышел из лаборатории. Улица. Холодно. Ветер. Я сел в машину. «Тигр» с золотой полосой. Поставил руки на руль. Кожа. Тепло. Но это было железо. А там, в лаборатории, был человек. Я завёл двигатель. Рёв V6. Мощность. Но самая большая мощность сейчас была не под капотом. Она была в голове у парня в палате. Я поехал домой. Впервые за месяц. Мне нужно было поспать. Завтра будет новый день. Новые тесты. Новые вопросы. Но сегодня... Сегодня было чудо. И я знал: теперь пути назад нет. Мы перешли черту. И мир уже не будет прежним.

Глава IV. Лаборатория. Цена.

Возраст: 32 года

Локация: Новосибирск, Секретная лаборатория «XcyberKOMPany»

Первые недели после операции прошли в тягучем, вязком времени.

Палата восстановления напоминала больше серверную, чем больничную комнату. Белый шум систем охлаждения заглушал тиканье часов. Воздух пах озоном, стерильной тканью и едва уловимым металлическим привкусом крови. Никита лежал неподвижно. Только глаза жили. Я сидел рядом. На том самом стуле. Между нами стоял динамик. И мониторы. Графики нейронной активности бежали зелёными линиями. Иногда они скакали. Иногда проваливались в плоскую линию шума.

— Больно? — спрашивал я утром третьего дня.

Никита моргнул. Один раз.

Динамик выдал скрип:

— Го ... ло ... ва ...

Это была цена. Чип не просто принимал сигнал. Он стимулировал нейроны. Заставлял их расти вокруг себя. Прорастать в углеродные нанотрубки. Это было похоже на заживление перелома. Только внутри черепа. Мы начали с компьютера. Обычный ПК. Без выхода в интернет. Локальная сеть. Изолированный контур. Я поставил монитор прямо перед его глазами.

— Попробуй двинуть курсор, — сказал я.

Это звучало просто. Для меня. Для него — как попытка сдвинуть гору мыслью. Я видел, как напрягаются мышцы на его шее. Как вздуваются вены на лбу. Курсор на экране дрогнул. Сдвинулся на пиксель.

Никита выдохнул. Тяжело. С хрипом. Из носа потекла кровь. Тонкая струйка. Алая на бледной коже. Я тут же был рядом. Вытер кровь. Проверил датчики. Давление подскочило. Температура чипа — 38 градусов. Критично.

— Стоп, — сказал я жёстко. — Отдых.

Никита закрыл глаза. Слеза скатилась в ухо. Не от боли. От бессилия. Процесс обучения стал адом для нас обоих. Днём я был в лаборатории. Ночью — тоже. Я спал урывками, прямо в кресле. Мне снилось, что графики превращаются в змей. Что чип перегревается и плавит мозг. Я просыпался в холодном поту. Смотрел на Никиту. Он спал. Дыхание ровное. Я проверял логи. Ошибка синхронизации. Потеря пакета. Перегрев узла 4. Мы учились заново ходить. Только это были не ноги. Это были нервы. Нейропластичность — чудо природы. Но мы её насиловали. Я чувствовал вину. Тяжёлую, липкую. Каждый раз, когда у Никиты шла кровь из носа, я думал: «Я убиваю его». Каждый раз, когда у него начинались конвульсии — я хватался за телефон, чтобы вызвать реанимацию. Но он останавливал меня. Взглядом. Однажды, после очередного приступа, когда его тело выгнуло дугой на койке, я не выдержал.

— Мы прекращаем, — сказал я. Голос сорвался. — Это слишком опасно. Ты умрёшь, Никита.

Он лежал бледный. Потный.

Динамик молчал минуту.

Потом скрип:

— Я ... уже ... мёр ... тво ... ый ...

Пауза.

— Дай ... по ... жить ...

Я отвернулся.

Сжал кулаки.

— Хорошо. Но медленно. По пять минут в день.

Он моргнул. Согласие. Внешний мир давил. Телефон вибрировал в кармане халата. Постоянно. Сергей. Завод. Экспорт.

— Владимир, китайцы предлагают миллиард за лицензию, — голос Сергея был напряжённым. — Акции растут. Инвесторы требуют отчёта. Где ты?

— Я занят, — отвечал я коротко.

— Ты пропадаешь! Слухи идут. Говорят, ты банкрот. Говорят, ты сбежал.

— Пусть говорят. Производственный план выполняйте?

— Выполняем. 170 тысяч в год. Но без тебя...

— Без меня справитесь. Я сказал.

Я клал трубку. За стеной лаборатории гудел мир. Там собирали «Тигров». Там кипели деньги. Там решали судьбы рынков. А здесь, в тишине, мы решали судьбу человека. Иногда мне казалось, что там — декорации. А здесь — реальность. Но я знал: если завод встанет — семьи останутся без работы. Если Никита умрёт — умрёт надежда на будущее. Два груза. Я нёс оба. Месяц спустя. Никита научился управлять курсором. Без крови. Без конвульсий. Пять минут работы — час отдыха. Потом десять минут. Потом полчаса. Он открыл блокнот. Напечатал мыслью:

«Привет. Меня зовут Никита.»

Я стоял за стеклом. Смотрел на экран. У меня ком в горле. Это было не «Здравствуй» через синтезатор. Это было письмо. Осознанное. Он мог писать книги. Мог кодировать. Мог

общаться. Но ему было мало. Чип давал больше, чем просто ввод данных. Он чувствовал периферию.

— Хочу кресло, — сказал он через динамик. Голос стал чище. Меньше шумов.

— Ты не готов, — ответил я.

— Хочу.

Мы подключили электрическую коляску к локальной сети. Протокол управления — через чип. Никита закрыл глаза. На мониторе я видел всплеск активности в моторной коре. Коляска дёрнулась. Поехала вперёд. Плавно. Развернулась. Подъехала к столу. Никита открыл глаза. Улыбнулся. Уголок губ дрогнул. Впервые за пять лет он переместился сам. Не потому что его толкнули. Не потому, что его перенесли. Сам. Я выдохнул. Команда за стеклом аплодировала. Тихо. Чтобы не спугнуть. Но я видел риски. Задержка сигнала — 20 миллисекунд. Если сеть ляжет — он застрянет. Если взломают — он поедет в стену. Ещё через месяц — механическая рука. Прототип. Карбоновая кисть. Пять пальцев. Мы поставили её рядом с койкой. Никита сосредоточился. Рука поднялась. Сжала стакан с водой. Поднесла ко рту. Он не мог пить сам. Но он мог держать. Это было символично. Чаша жизни в механической ладони. Но цена росла. После теста с рукой у него начались мигрени. Носовые кровотечения стали чаще. Я видел анализы. Нейромедиаторы истощались. Мозг работал на износ.

— Тебе нужно отдыхать, — сказал я.

— Я успею отдохнуть, когда умру, — ответил он.

Голос был спокойным. Ужасающе спокойным. Конец третьего месяца. Никита полностью освоил ПК. Он мог писать со скоростью 40 слов в минуту. Мог управлять камерами в палате. Мог читать файлы. Он жил в сети. Локальной. Узкой. Но ему было тесно. Однажды вечером. Я зашёл в палату. Никита не спал. Глаза горели.

— Владимир, — сказал он.

Динамик передал чётко. Без помех.

— Да?

— Интернет.

Я замер.

— Мы обсуждали это. Это риск.

— Я знаю.

— Тебя могут взломать. Твои мысли могут украсть.

— Лучше украсть мысли ... чем не иметь их.

Пауза.

— Я хочу видеть мир. Не через камеру. Через сеть.

— Это WI-FI напрямую в чип. Без ПК.

— Да.

Я смотрел на него. Он смотрел на меня. В этом взгляде было всё. Доверие. Страх. Надежда. Я понимал: если я откажу — он угаснет. Если соглашусь — я могу его убить. Или выпустить в мир нового человека. Первого подключённого. Я подошёл к серверной стойке. Открыл панель доступа.

— Я поставлю фаервол. Три уровня. Биологический предохранитель. При любой атаке — отключение.

— Хорошо, — сказал Никита.

— Ты понимаешь, что назад дороги нет?

— Дороги назад не было с момента как я заболел.

Я ввёл код. Активировал модуль. На мониторе загорелся значок: Connection Established.

Никита закрыл глаза. Его тело напряглось. Но не в судороге. В ожидании. Прошла секунда. Две. Динамик молчал. Я смотрел на графики. Поток данных шёл. Входящий. Исходящий. Он был в сети.

— Как ты? — спросил я тихо.

Никита открыл глаза. В них отражался свет монитора. Но ещё что-то. Глубина.

— Шумно, — сказал он.

— Что?

— Мир ... шумный. Столько голосов. Столько данных.

Пауза.

— Но я слышу их. Я здесь.

Я вышел из палаты. Закрыв дверь. Прислонился лбом к холодному стеклу. В коридоре было тихо. Но я слышал гул серверов. И где-то далеко — гул завода. «Тигры» ехали по дорогам страны. Люди пользовались ими. Но это было прошлое. Железо. А здесь, за дверью палаты, рождалось будущее. Плоть и код. Телефон в кармане снова завибрировал. Сергей.

«Владимир, срочный звонок. Конкуренты заявили о своём электрокаре. Нужна реакция.»

Я посмотрел на экран. Потом на дверь палаты.

— Пусть заявят, — прошептал я.

И выключил телефон. Лаборатория работала. Никита жил. Сингулярность стала ближе. На один шаг. На одно подключение. Я знал: теперь начнётся настоящая охота. Не за рынком. За нами. Но мы были готовы.

У нас был голос.

У нас была сеть.

И у нас не было выбора.

Глава IV. Лаборатория. Свобода.

Возраст: 32 года

Локация: Новосибирск, Секретная лаборатория «XcyberKOMPany»

Интернет стал для него воздухом. Первые недели после подключения мы боялись перегрузки. Ограничивали трафик. Ставили фильтры. Но Никита требовал больше.

— Узко, — говорил его синтезированный голос. — Как дышать через соломинку.

Я снял ограничения. Он начал жить в сети. Больше, чем в теле. Тело лежало на койке. Бледное. Почти прозрачное. Мы кормили его через зонд. Медсёстры меняли катетеры. Мышцы атрофировались быстрее. Зато его цифровая аватарка в нашей локальной сети была активнее любого здорового сотрудника. Он читал терабайты данных. Смотрел потоковое видео в ускоренном режиме. Общался на форумах под анонимным ником. Никто не знал, что за собеседником — парализованный человек с чипом в голове. Для мира он был просто «User_001». Для меня — первым человеком будущего. Однажды ночью я зашёл в палату. Мониторы мигали. Графики активности мозга показывали пики, которых не должно быть у спящего.

— Ты не спишь? — спросил я.

Динамик ответил сразу. Голос стал мягче. Мы до настроили тембр.

— Сон нужен телу. Мне — нет. Я обрабатываю данные.

— Это опасно, Никита. Мозг должен отдыхать.

— Я отдыхаю, когда ищу. Поиск — это медитация.

Я смотрел на него. Тело лежало неподвижно. Грудь едва поднималась. Но глаза были открыты. Зрачки бегали. Он скроллил ленту новостей. Прямо в голове.

— Ты становишься машиной, — сказал я тихо. Не как обвинение. Как констатацию.

— Я становлюсь собой, — ответил он. — Раньше я был куском мяса в коробке. Теперь я — поток.

Пауза.

— Владимир. Я хочу выйти дальше.

— Куда?

— Завод. Машины. Сеть города. Я чувствую их. Они рядом. Они ждут.
Я замер. Мы тестировали управление устройствами. Коляска. Рука. ПК.
Но завод... Это уровень выше.

— Это риск, — сказал я. — Протоколы безопасности...

— Я не сломаю. Я помогу. Я вижу узкие места. Логистика. Склад. Я могу оптимизировать. Я колебался. Впустить сознание человека в сеть завода? Это было безумие. Но я вспомнил, зачем всё начинал.

«Если соединить технологию и надежду — можно изменить страну».

Разве это не изменение?

— Хорошо, — сказал я. — Локальный контур. Без выхода на критические узлы.

— Спасибо, — сказал он.

На следующую ночь мы подключили его к серверной «ХcyberKOMPany». Не через кабель. Через Wi-Fi модуль чипа. Прямая связь. Я сидел в диспетчерской. Смотрел на экраны. Конвейер ускорился на 15%. Погрузчики изменили маршруты. Оптимально. Складская система перераспределила детали. Никита был везде. Он не управлял мышкой. Он был системой. Я видел логи. Пользователь: Nikita_Andreevich.

Действие: Оптимизация потока №4. Время реакции: 0.003 секунды. Человек не может реагировать так быстро. Но Никита мог. Он стал частью машины. И машина стала частью его. Утром я пришёл к нему. Тело выглядело хуже. Вес ушёл. Кожа серая. Но глаза горели.

— Как ты? — спросил я.

— Хорошо, — ответил он. — Было... красиво. Я чувствовал ритм. Стук станков. Как сердцебиение.

— Ты устал?

— Нет. Я заряжен.

Я понял: для него это не работа. Это жизнь. Настоящая. Та, которой у него не было пять лет. Мы провели ещё два месяца тестов. Он освоил весь функционал. Видеть через камеры. Чувствовать скорость.

Он тестировал интерфейс лучше любого инженера.

— Здесь задержка, — говорил он. — В повороте. Исправь.

— Здесь меню лишнее. Убери.

— Здесь защита слабая. Я могу взломать себя. Усиль.

Мы довели технологию до идеала. Благодаря ему. Благодарно его жертве. Потому что это была жертва. Он отдавал тело ради разума. Однажды он позвал меня.

— Владимир. Садись.

Я сел на стул у койки.

— Что случилось?

— Я посчитал.

— Что?

— Вероятность моего восстановления. Биологического.

Я молчал.

— Ноль, — сказал он. — Тело умрёт. Скоро. Год. Может два.

— Мы можем продлить... — начал я.

— Не надо, — перебил он. — Мне не нужно тело. Мне нужно хранилище.

— Что ты предлагаешь?

— Когда тело умрёт... Сохрани меня. В сети. В чипе. Не выключай меня.

Я замер. Это выходило за рамки этики. За рамки закона. За рамки жизни и смерти.

— Это невозможно, Никита. Чип требует биопитания. Мозг...

— Найди способ. Ты же Владимир Хлебников. Ты сделал невозможное с машиной. Сделай с человеком. Я смотрел в его глаза. Там не было страха смерти. Была просьба. Мольба не исчезать.

— Я попробую, — сказал я.

Это было обещание. Которое я не знал, как выполнить. Но я дал его. В тот вечер я вышел из лаборатории. Стоял на улице. Курил. Снег падал на лицо. Таял. Где-то далеко гудел завод. Ехали «Тигры». Люди жили своей жизнью. А в моей палате умирал человек, чтобы родиться цифрой.

Я понял: Глава IV не заканчивается здесь. Она только переходит в новую фазу. Лаборатория была коконом. Это было безумие. Мы довели технологию до идеала. Теперь нужно было довести до идеала человека. Я посмотрел на часы. Ночь.

Никита не спал. Он был в сети. Он ждал. Но история Никиты продолжалась. И моя тоже. Мы перешли черту. И обратно пути не было.

Глава V. Огонь и Лёд.

Возраст: 32–33 года

Локация: Новосибирск, Лаборатория «ХcyberKОmpany»

Никита был в сети. Это было чудо. Это было достижение. Но это не заполняло пустоту внутри меня.

После подключения он жил в цифре. Его тело угасало на койке в палате, бледное, почти прозрачное. Но его сознание... Оно горело. Он оптимизировал завод. Он читал терабайты данных. Он стал частью системы.

Но я оставался один.

В лаборатории пахло озоном и стерильностью. Мониторы мигали в ритме его нейронной активности. Я сидел в кресле, смотрел на графики и понимал: я создал бессмертие для него, но сам застрял в аду одиночества. Именно в этом состоянии, на грани срыва, я пошёл в магазин. Мне нужно было выйти. Просто чтобы видеть людей. Не как биомассу, не как сотрудников. А как живых существ.

Я помню этот момент. Чётко. Как вспышку. Отдел бакалеи. Свет люминесцентных ламп. Запах свежего хлеба. Я взял пакет с гречкой. Поднял голову. И увидел её.

Она стояла рядом. Выбирала макароны. Обычная девушка. Тёмные волосы, простое пальто, уставшие глаза.

Но когда она повернулась...

Время остановилось. Не метафорически. Физически. Я перестал слышать гул холодильников. Перестал чувствовать холод. Я смотрел в её глаза. И в этот момент я понял: я влюбился. Сразу. Навсегда. Без права на отступление. Она улыбнулась мне. Случайно. Вежливо.

— Извините, вы не подскажете, где соль? — спросила она.

Я не ответил сразу. Я забыл, как говорить.

— Там, — показал я рукой. Голос прозвучал чужим.

— Спасибо, — она кивнула и пошла дальше.

Я стоял ещё пять минут. Смотрел ей вслед. В руке я сжимал пакет с гречкой. Он хрустел. Я вышел из магазина. Сел в машину. Но не завёл двигатель. Я закрыл глаза. И увидел её лицо. Оно стояло передо мной. Ярче, чем графики Никиты. Ярче, чем схемы чипов. Я не спал три ночи. Лежал в кровати. Смотрел в потолок. В темноте она была со мной. Её улыбка. Её голос. «Спасибо». Это слово звучало в моей голове как музыка. Я понял: она стала маяком.

Вокруг меня была крошечная тьма. Лаборатория. Секреты. Никита, умирающий в теле. Ответственность за сотрудников завода. Давление государства. Конкуренты. Всё это давило. Душило.

А она... Она была светом.

Она затмевала любые мысли. Я пытался думать о чипе версии 2.0. О теплоотводе. О биосовместимости.

Но вместо схем я видел её профиль. Я не мог так жить. Я был Владимир Хлебников. Человек, который строит будущее. Человек, который может достать любую информацию. Я сел за компьютер. Не за рабочий. За личный. Включил режим анонимности. И начал искать. Это было не просто любопытство. Это была необходимость. Я должен был знать о ней всё.

Имя: Любовь. (Люба).

Возраст: 24 года.

Место работы: Офис-менеджер в небольшой фирме «Вектор».

Зарплата: Средняя. Ниже средней по городу.

Адрес: Снимает квартиру на правом берегу.

Соцсети: Закрыты. Но есть старые фото. Любит кошек. Любит дождь. Не любит кофе.

Я собирал информацию как пазл.

Каждый кусочек делал её реальнее. Я узнал, что она живёт одна. Что у неё есть кот по имени Барсик. Что она ходит в этот супермаркет каждый вторник и пятницу после работы. Я не чувствовал вины. Для меня это было не вторжение. Это было изучение. Как я изучал двигатель V6. Как я изучал мозг обезьян. Она была важнее. Я хотел сблизиться. Не потому что хотел секса. А потому что мне нужно было быть рядом. Она была единственной нормальной вещью в моем безумном мире. Если я коснусь её... Может, я сам стану нормальным?

В лаборатории прогресс шёл медленно. Чип версии 2.0 требовал доработки. Никита жаловался на «шум».

— Владимир, — его голос звучал из динамиков мягче, чем раньше. — Иногда я чувствую помехи. Как будто кто-то стучит в голову.

— Это интерфейс, — отвечал я. — Мы исправим.

— Исправь быстрее. Я хочу думать ясно.

Я смотрел на его тело. Оно худело. Кожа обтянула череп. Врачи давали полгода. Может, меньше. Мы держали его на аппаратах. Но это было временное решение. Мне нужно было хранилище. Не просто сервер. Что-то мощнее. Но ПК... Обычные компьютеры не тянули поток его сознания. Квантовые вычисления... Это была фантазия. Идея о собственном ПК, о «Святозаре», только зарождалась. Пока это был лишь набросок в блокноте.

— Нам нужно железо, — сказал я команде. — Обычное не подходит.

— Владимир, мы не производители ПК, — ответил главный инженер. — Мы делаем чипы.

— Будем делать всё, — отрезал я.

Но это было потом. Пока у меня не было ни ПК, ни ИИ. ИИ был лишь мелкой задумкой. Фантазией на уровне «а что если». Мы использовали обычные нейросети для анализа данных чипа. Не более. Главной задачей был Чип. И Никита.

Я начал преследовать её. Не в реальности. Пока нет. В сети. Я читал её посты пятилетней давности. Смотрел, какие музыку она слушает. Я узнал, что она мечтает съездить на Байкал. Но нет денег. Что она боится темноты. Что она одинока. Это поразило меня. Она одинока. Я одинок. Мы похожи. Я сидел в машине у её дома. Смотрел на окна. Свет горел в 23:00. Она не спала. Я тоже не спал. Однажды я увидел, как она вышла из подъезда. Плакала. Вытирала глаза рукавом. Села в старый автобус. У меня сжалось сердце.

Кто посмел?

Я мог найти этого человека. За час. Мог уничтожить его жизнь. Но я сдержался. Пока. Я хотел быть тем, кто вытрет её слёзы. Не деньгами. Не властью. Собой. Но кто я для неё? Парень из магазина? Владелец завода? Преступник, экспериментирующий с мозгами? Я вернулся в лабораторию.

Никита встретил меня вопросом:

— Ты изменился.

— Что ты имеешь в виду?

— Твой ритм. Сердце бьётся чаще. Когда ты думаешь о ней.

Я замер.

— Ты видишь мои показатели?

— Я в сети, Владимир. Я вижу всё, что подключено. Твой смарт-часы синхронизированы с сервером.

Я снял часы. Бросил на стол.

— Не лезь в мою голову, Никита.

— Это не твоя голова. Это данные. Ты влюблён.

— Заткнись.

Я вышел из палаты. Курил в коридоре. Руки дрожали. Он знал. Вся система знала. Но она — нет. Я решил действовать. Не как миллиардер. Не как создатель «Тигра». Как обычный человек. Я сбрил бороду. Купил обычную одежду. Не брендовую. Простую. Я хотел, чтобы она увидела меня. Не Хлебникова. Владимира. Я знал её расписание. Вторник. 19:00. Супермаркет. Я пришёл раньше. Стоял у полки с молоком. Ждал. Когда она вошла... Мир снова сузился до неё. Она шла по проходу. Усталая. Увидела меня. Улыбнулась.

— Привет. Мы снова встретились.

— Привет, — ответил я.

Голос не дрогнул. Я контролировал себя.

— Ты часто здесь бываешь? — спросила она.

— Когда не работаю.

— А где работаешь?

— Инженер.

— Понятно. Тяжело?

— Иногда.

Мы говорили пять минут.

Она купила молоко.

— Пока, Владимир.

— Пока, Люба.

Она ушла. Я стоял у полки. Сердце колотилось. Я знал о ней всё. Но она не знала обо мне ничего. Это было нечестно. Но я не мог рассказать. Не сейчас. Я вышел на улицу. Ночь. Снег. Я сел в машину. Достал телефон. Открыл файл с её данными. Смотрел на фото. Она была моим маяком. В крошечной тьме моей жизни. И я готов был сжечь всё, чтобы этот свет не погас. Чип лежал в сейфе. Никита ждал в сети. Завод гудел.

Но я думал только о ней. О Любе. О том, как сделать так, чтобы она посмотрела на меня. Не как на покупателя. Как на мужчину. Это было опаснее, чем операция на мозге. Но я не отступлю. Я упрямый. Я всегда получал то, что хотел. Крипту. Завод. Технологии. Теперь я хотел её. Я завёл двигатель. Поехал в лабораторию. Работать. Чтобы стать лучше. Чтобы быть достойным её света.

Глава V. Огонь и Лёд. Смелость.

Возраст: 32–33 года

Локация: Новосибирск, Квартира Владимира → Кафе → Лаборатория

Я сидел перед компьютером. Курсор мигал в пустом поле сообщения.

«Контакт». «Однокурсники». Неважно.

У меня было десятки аккаунтов. Корпоративные. Личные. Фейковые. Но ни один не подходил. На основном — миллионы подписчиков. Фото с заводов. Интервью. Комментарии с

просьбами о помощи и угрозами. Это был аккаунт Хлебникова. Магната. Создателя. А мне нужно было стать просто Владимиром. Я создал новый профиль. Чистый. Без подписчиков. Загрузил старые фото. Те, что были сделаны до крипто-взлёта. До «Тигра». Я на них моложе. Проще. Без этой тяжести во взгляде. Имя: Владимир. Фамилия: скрыта.

Город: Новосибирск.

Работа: Инженер.

Я нашёл её страницу. Люба. Фото с котом. Фото с работы. Цитаты о дожде и уюте. Она была открытой книгой в мире, где все прятались за масками. Я набрал текст. Удалил. Снова набрал. Руки дрожали. Странно. Я подписывал контракты на миллиарды без единой дрожи. А здесь... Здесь я рисковал не деньгами. Собой.

«Привет, Люба. Мы виделись в магазине на Ленина. Ты ещё спрашивала про соль. Я хотел сказать, что ты очень красивая. Можно пригласить тебя на кофе?»

Я посмотрел на текст. Слишком прямо? Слишком банально? Но правда всегда лучше игры. Нажал «Отправить». И начал ждать. Минута. Две. Час. Я ходил по комнате. Смотрел на телефон. Никита писал мне в сеть: «Ты неэффективен. Вернись к работе». Я игнорировал его. Завод гудел. Акции падали или росли — мне было всё равно. Мир сузился до экрана телефона. Ответ пришёл вечером.

«Привет, Владимир. Помню тебя. Ты был очень вежливый. Я не против кофе. Но только если без обяэзэловки.»

Я выдохнул. Впервые за долгие годы я улыбнулся. Не уголками губ. По-настоящему. Глаза заблестели.

— Спасибо, — прошептал я в пустоту.

Мы встретились через два дня. Не в центре. Не в дорогом ресторане, где бы нас сразу узнали по лицу или одежде.

Маленькая кофейня на окраине. Уютная. Тихая. Я пришёл раньше. Заказал столик у окна.

Когда она вошла...

Время снова остановилось. Она была в простом пальто. Без макияжа. Волосы рассыпаны. И она была прекраснее любых технологий, которые я создал.

— Привет, — сказала она. Села напротив.

— Привет.

Мы заказали кофе. Разговор не клеился сразу. Паузы. Неловкие взгляды. Я привык командовать. Диктовать. А здесь нужно было слушать.

— Как работа? — спросила она.

— Нормально. Много дел. А у тебя?

— Офис. Бумаги. Иногда хочется всё бросить и уехать на Байкал.

— Поезжай, — сказал я серьёзно.

— Нет денег, — улыбнулась она. Грустно.

— Найдутся, — ответил я. И понял, что звучит как обещание.

Мы говорили два часа. О книгах. О фильмах. О том, как она любит запах снега. Я забыл про лабораторию. Забыл про Никиту, умирающего в теле. Забыл про чипы. Я просто сидел. Смотрел на её руки. На то, как она держит чашку. И чувствовал... Тепло. Не физическое. Внутреннее. В груди разжимался какой-то узел. Тот, что затягивался годами одиночества. Я был счастлив. Просто. По-идиотски счастлив. Когда мы вышли на улицу, уже стемнело. Фонари горели жёлтым светом. Снег скрипел под ногами. Я провожал её до дома. У подъезда она остановилась.

— Спасибо за вечер, Владимир. Было... тепло.

— Мне тоже, — сказал я.

Я хотел её обнять. Но боялся спугнуть. Она сделала шаг навстречу. Поднялась на цыпочки. И поцеловала меня. Это был не страстный поцелуй из кино. Тихий. Робкий. Но для меня он был как удар тока. Я замер. Потом обнял её. Прижал к себе. Чувствовал, как бьётся её сердце.

В этот момент я понял: ради этого стоит жить.

Ради этого тепла. Ради этого огня. Но лёд ждал меня в лаборатории. На следующий день я вернулся к работе. Никита написал: «Твои гормоны зашкаливают. Ты теряешь фокус».

— Я живу, Никита, — ответил я вслух.

— Ты отвлекаешься. Чип версии 2.0 готов. Ты обещал быть первым.

Я посмотрел на контейнер. Маленький кристалл.

Версия 2.0. Улучшенная. Безопасная.

Я обещал команде. Я не мог просить их рисковать, если не готов сам. Да и мне нужно было понять. Что чувствует пользователь? Что чувствует Люба, когда я рядом?

Нет, Люба не должна знать. Пока.

— Готовьте операционную, — сказал я.

Вечером я лёг на стол. Местная анестезия. Я хотел быть в сознании. Скальпель коснулся кожи за ухом. Боль была острой. Потом давление. Щелчок. Подключение. Мир вспыхнул. Не светом. Информацией. Я увидел потоки данных в воздухе. Услышал гул серверов как музыку. Увидел пульс медсестры через стену. Мои мысли ускорились. Время замедлилось. Я моргнул. Всё. Готово. Я встал. Голова была ясной. Слишком ясной. Эмоции... Они стали тише. Как будто я смотрел на мир через толстое стекло. Чётко. Понятно. Но холодно. С Любой мы встречались каждую неделю. Она смеялась. Рассказывала про кота. Про начальника. Я слушал. Но теперь я слышал больше. Я видел микросокращения её мышц. Я анализировал тон её голоса.

Вероятность искренности: 98%.

Вероятность скрытого стресса: 15%.

Уровень дофамина: повышен. Я стал холоднее. Расчётливее. На заводе я решал задачи за секунды. Увольнял людей без эмоций, если видел неэффективность. Команда боялась меня.

«Он как робот», — шептались инженеры.

Никита смеялся в сети: «Добро пожаловать в клуб».

Но с Любой...

С Любой я старался выключить анализ. Я запрещал себе считать вероятность её любви. Я запрещал себе видеть микро-выражения. Я хотел чувствовать. По-старому. По-человечески. Однажды она посмотрела на меня внимательно. Мы сидели на кухне у неё. Пили чай.

— Володь, — сказала она тихо.

— Да?

— Ты изменился.

Я замер. Чашка в руке остановилась на полпути.

— В смысле?

— Не знаю. Ты стал... другим. Иногда смотришь так, будто видишь меня насквозь. Будто сканируешь. Она положила руку на мою ладонь.

— Но когда ты смеешься... Ты настоящий. Только тогда.

Я перевернул руку. Сжал её пальцы.

— Я просто много работаю. Устал.

— Береги себя, — сказала она. Погладила меня по щеке. — Ты мне нужен. Живой. Не железный.

Я кивнул. Внутри чип пульсировал.

Анализ эмоции: Тревога.

Рекомендация: Успокоить.

Я игнорировал рекомендацию. Я просто обнял её.

— Я живой, Люба. Обещаю.

Но я знал: лёд внутри меня растёт. Чип менял меня. Делал эффективнее. Сильнее. Но он забирал часть тепла.

И только она...

Только её огонь мог согреть этот лёд. Я держался за неё. Как за якорь. В мире, где я становился богом, она оставляла меня человеком. И я не знал, сколько это продлится.

Но пока она рядом — я Владимир.

А не система.

Глава V. Огонь и Лёд. Маяк.

Возраст: 33 года

Локация: Новосибирск, Квартира Любы → Лаборатория

Мы жили порознь. У неё была своя квартира, уютная, тёплая, с запахом кофе и цветов. У меня — своя, больше похожая на убежище. Но я часто навещал её.

Это были тихие встречи. Без шума, без света софитов. Мы говорили о том, как прошёл день. О мечтах. О увлечениях. Иногда смотрели фильмы, укутавшись в плед. Она не знала о чипе. Не знала о лаборатории. Для неё я был просто Владимиром. Инженером. Человеком, который любит её. В эти часы я снимал маску. Ту, что носил для мира. И ту, что нарастил внутри себя из-за чипа. С ней я чувствовал себя живым.

Однажды, перед уходом от неё, зазвонил телефон. Номер лаборатории. Я вышел в коридор, чтобы не мешать.

— Владимир, — голос главного инженера был напряжённым. — Компоненты для «Святозара»... Это очень дорого. Бюджет превышает...

Я посмотрел на часы. Усталость давила.

— Дорого, — повторил я тихо. — «Тигры» тоже были не дешёвыми. Делайте.

Я нажал отбой. Вернулся в комнату.

Люба стояла у окна. Спиной ко мне.

— Всё хорошо? — спросила она.

— Да. Работа.

Я понял, что проговорился, только когда вышел на улицу. «Тигры». Я назвал их вслух. При ней. Её лицо чуть сморщилось тогда. Крошечная складка между бровей. Но она не придала этому внимания. Тогда. Мы распрощались. Поцелуй был сухим. На следующий день она не написала. На второй — не позвонила. Я звонил — сбрасывала. Я понял: она гуглила.

Пыталась понять, что это был за странный звонок. «Инженер» — и «Тигры»? Как это связано? Позже до неё дошло. Она сверила фото. Видео. Мимику. Поведение из видеороликов про «Тигра», где я отвечал на вопросы. И то, как я говорил с ней. Она догадалась.

Я написал ей снова. Попросил провести вечер вместе. Она согласилась. Но холодно. Не как обычно. Я пришёл к ней домой с тортом и едой из доставки. Пытался сгладить углы. Она встретила меня в дверях. Холодно. Взгляд скользнул мимо, не задерживаясь.

Я понял: она знает. Мы сели на кухне. Торт стоял нетронутым.

— Почему? — спросила она. Голос дрожал.

Слёзы стояли в глазах. Не понимания. Обиды.

— Зачем я тебе? Зачем эта игра? Ты мог просто сказать.

Я отвечал коротко.

— Люблю.

— Врал каждый день.

— Мне было страшно.

— Чего?

— Что ты увидишь не меня. А Хлебникова. Владелец завода. Миллиардера.

— А кто ты тогда?

— Тот, кто любит тебя.

Мы поговорили. Долго. Тяжело. Она сказала, что ей нужно всё обдумать. Я кивнул. Достал из кармана зажигалку. Старую. Потрёпанную. Металлическую.

— Это мне нужно было, чтобы собрать первую проводку для двигателя. В гараже. Когда у меня ничего не было. Кроме идеи.

Я положил её на стол.

— Это я. Настоящий. Не тот, что на обложках.

Я встал.

— Я люблю тебя. Буду ждать. Год. Два. Сколько нужно.

Я оставил её одну. С зажигалкой. С правдой. Я поехал в лабораторию. Там кипела работа. Инженеры и Никита изучали и разрабатывали ПК «Святозар». Технология была не новой. Квантовые вычисления. Но мы её улучшали. Преобразовывали. Адаптировали для массового производства. Её было уже не отличить от того, с чего мы начали. Прогресс был немалым. Никита трудился всё время, что не спал его мозг. А он не спал почти никогда. Он не знал, что ему это даст. Не знал про «Сварог». Он лишь надеялся. Надежда держала его в сети. В этот миг у меня возникла идея.

ИИ.

Имя: «Сварог».

Огромные центры. За основу возьмём квантовую технологию ПК «Святозар». Нужно сначала допилить её. Довести до ума. Я никому не сказал об этой идее. Пока. Сначала сделаем ПК. Фундамент.

Через пару дней мне написала Люба. Коротко. Попросила ещё раз встретиться. Поговорить. Я приехал. К её дому. На своём «Тигре». Чёрный. Матовый. Золотая полоса от фары до багажника. Она видела, как я подъехал. Впервые на машине. На той самой. Я вышел. Зажигалка была у неё в кармане. Я знал это. Я вошёл. Мы поговорили. Без криков. Без слёз. Она обняла меня. Крепко.

— Я поняла, — сказала она. — Ты не врал про чувства. Ты врал про работу.

— Я защищал нас.

— Я знаю.

Я посмотрел ей в глаза.

— Переезжай ко мне.

— Быстро, — улыбнулась она. Уголок губ дрогнул.

— Знаю. Но я люблю тебя. И настроен серьёзно.

— Я не хочу быть «женой Хлебникова».

— Ты будешь Любой. Той, с которой я хочу просыпаться. Быть значительной частью её жизни. Она помолчала. Посмотрела на окно. Там стоял «Тигр». Золотая полоса блестела под фонарями.

— Хорошо, — сказала она тихо. — Но только если зажигалка останется у меня.

— Она твоя.

Я обнял её. В этот момент я понял: лаборатория, чипы, «Святозар», «Сварог» — всё это важно. Но это — топливо. А она — огонь. Без неё всё это просто металл и код. С ней — это будущее. Я поехал в лабораторию. Никита ждал отчёта по «Святозару».

— Как всё прошло? — спросил он через динамик.

— Хорошо, — ответил я.

— Эмоции влияют на эффективность.

— Они дают смысл, Никита.

— Не понимаю.

— Поймёшь. Когда создадим «Сварог».

Я выключил связь. Открыл файл.

Написал: Проект: Сварог. Статус: Черновик.

Закрыл ноутбук. Посмотрел на зажигалку. Вернее, на её копию. Оригинал был у Любы. Огонь и Лёд нашли баланс. Любовь и Технология. Личное и Глобальное. Я был готов к следующему шагу. К созданию разума. Но теперь — не один. С ней.

Глава V. Огонь и Лёд. «Святозар»

Возраст: 33 года

Локация: Новосибирск, Квартира Владимира → Завод «ХcyberKОmpany»

Люба переехала ко мне.

Это произошло тихо. Без шумных сборов. Просто однажды утром я проснулся, а её вещи лежали на тумбочке. Зубная щётка рядом с моей. Зарядка от телефона на столе. Моя квартира, похожая на бункер, изменилась. Она переоборудовала её. Появились шторы. Цветы на подоконнике. Запах еды на кухне, который перебивал запах озона и пыли. Я просыпался рядом с ней каждое утро. Смотрел на её лицо. Спокойное. Настоящее. И радовался. Просто тому, что она есть. Я ел то, что она готовит. Это было странно. Вкусно. По-домашнему. Я предложил ей уволиться.

— Зачем тебе работать? — спросил я. — У меня есть всё.

— Мне нужно дело, — ответила она. — Иначе я скончаюсь от скуки. Я хочу быть полезной. Не только тебе. Себе. Я настаивал. Оставил ей карту. Чёрную. Без имени.

— Что это? — спросила она.

— Деньги.

— Сколько там?

— Для тебя — без лимита.

Она посмотрела на карту. Положила на стол.

— Я постараюсь не трогать её, — сказала она тихо.

Она тратила в основном свои деньги. Зарплату офис-менеджера. Я не понимал этого. Зачем? Когда можно всё. Но я не настаивал. Это была её независимость. Её способ остаться собой. Я просто каждый вечер возвращался к ней. В этот дом. В эту жизнь. Однажды вечером мы сидели на диване. Смотрели фильм. Она гладила мою голову. Рука скользнула за ухо. Пальцы замерли. Она почувствовала порт. Маленький. Герметичный. Под кожей.

— Что это? — спросила она. Голос дрогнул.

Я замер. Фильм шёл на фоне. Я выключил телевизор. Силой мысли. Громкость упала до нуля. Она посмотрела на телевизор. Потом на меня. Глаза расширились.

— Я тихо тебе всё расскажу, — сказал я.

Я рассказал. Честно. Открыто. Про чип. Про лабораторию. Про Никиту. Про то, кто я теперь. Она была в шоке. Бледная. Руки холодные. Но старалась быть сдержанной. Не кричала. Не убежала. Она любила меня. И старалась принять то, что я ей показал. В тот вечер мы много говорили. О чипе. Обо мне. О личности.

— Ты всё ещё ты? — спросила она.

— Я стал больше, — ответил я. — Но внутри — тот же Владимир.

Она кивнула. Поверила. Я рассказал ей о «Святозаре». Она мало что поняла. Она не разбирается в компьютерах. Но когда я сказал, что мы обвалим мировые корпорации... До неё дошло.

— Это опасно, — сказала она.

— Это необходимо, — ответил я.

Она взяла меня за руку.

— Будь осторожен.

— Я всегда осторожен.

Но она знала: это не правда. Я рисковал. Всегда. Разработка и завершение ПК «Святозар» шло полным ходом. Лаборатория гудела. Мы доделали основу. Начали тесты. Они поражали. Обычные бенчмарки не справлялись. Сгорали при запуске. Приходилось загружать формулы. Симуляции. Мощность удивила нас всех. Никита этого ожидал.

— Я считал, — сказал он через динамик. — Вы даже не представляете, что там внутри.

Мы представляли. Но реальность была лучше. Я приехал в лабораторию. Мне его представили. Готовый экземпляр. ПК «Святозар». Все порты как у обычного ПК. USB. HDMI. Ethernet. Он поддерживал обычную ОС. Самую типичную. Все устройства тоже. Он готов к потребителю. Но корпус... Стальной. Тяжёлый. Цвет — жёлтый. Напоминает золото. 10 видеовыходов. Все новейшие. Он выглядел не как компьютер. Как артефакт. Как будущее, которое можно потрогать. Мы начали готовиться к масштабному производству. Через компанию мы купили новый завод. Отдельный корпус. Там будут производиться ПК. Мы закупили всё оборудование. Линии. Станки. Тестеры. На счетах фирмы эта категория расходов была как чёрная дыра. Деньги уходили миллиардами. Мало кто знал о ПК. Инвесторы лишь видели цифры. Отчёты. Их это пугало.

— Куда уходит прибыль? — спрашивали они.

— В развитие, — отвечал я.

Компания молчала. СМИ говорили о банкротстве.

«ХcyberКОmpany» теряет деньги.

«Тигр» не покрывает расходы.

Акции дрогнули. Но я знал: это перед прыжком. Сергей звонил. Голос напряжённый.

— Владимир, что происходит?

— Мы захватим ещё один рынок, — ответил я спокойно.

— А «Тигры»?

— Расширяйтесь. Пусть будет 500 000 в год.

Сергей молчал секунд 15. Я слышал его дыхание в трубке.

— Бюджет... — сказал он наконец.

— Будет, — ответил я.

— Где?

— Я найду.

Сергей положил трубку. Он всё понял. Если понадобятся деньги — я найду. Всегда находил. Крипта. Инвестиции. Я не дам заводу встать. СМИ начали расследовать. Изучать. Поставки. Контейнеры. Нашли несколько дочерних компаний. Но не лабораторию. Лаборатория была чиста. СМИ узнали про новый завод. Завод ПК. Видели доставки. Оборудование. Все понимали. Что-то готовится. Что-то новое. Компания молчит. Но акции стабилизируются. Инвесторы чувствуют: это не крах. Это затишье. Грядёт что-то новое. Выход в свет. Обвал рынка всего ПК железа. Мир затаил дыхание. А мы работали. Я возвращался домой. К Любе. К теплу. Она ждала меня.

И я знал: что бы ни случилось завтра...

Сегодня я дома.

Глава V. Огонь и Лёд. Обвал рынков.

Возраст: 33 года

Локация: Новосибирск, Завод «ХcyberKОmpany» → Мир

Безопасность производства «Святозара» я поднял до параноидального уровня.

Это было не просто производство. Это была крепость.

Сотрудники работали в изолированных секторах. Один цех делал корпуса. Другой — платы. Третий — сборку. Никто не видел полной картины. Никто, кроме меня и узкого круга доверенных лиц, не знал, что внутри этих коробок бьётся квантовое сердце. Контракты о неразглашении были подписаны кровью. В буквальном смысле — биометрические данные, привязанные к уголовной ответственности и пожизненной пенсии. Любая попытка вынести компонент за периметр заканчивалась сработавшей сигнализацией и визитом службы безопасности. Я не рисковал. Технология «Святозара» была ключом. Ключом к «Сварогу». Ключом к будущему. И я не собирался отдавать его просто так. Презентация прошла громко. Открыто. Без намёков на секретность. Я вышел на сцену. Один. Без суфлёра. За спиной — огромный экран. На нём — золотистый корпус ПК.

— Это не компьютер, — сказал я в микрофон. — Это инструмент свободы.

Зал затаил дыхание. Журналисты. Блогеры. Конкуренты.

— Квантовые вычисления. Доступные каждому.

Я назвал цену.

— Один миллион пятьсот тысяч рублей.

Шёпот прокатился по залу. Это было дешево. Слишком дешево для квантового ПК. Конкуренты продавали доступ к квантовым серверам за тысячи долларов в час. Я продавал железо в личное пользование.

— Старт продаж — завтра. Только в России.

Я сделал паузу.

— Экспорт запрещён.

Скандал вспыхнул мгновенно. СМИ взорвались.

«Хлебников снова объявляет войну Западу?»

«Технологический суверенитет или изоляция?»

«Почему только Россия?»

Акции мировых производителей железа начали падать. Сначала медленно. Потом стремительно. NVIDIA. Intel. AMD.

Инвесторы поняли: эпоха кремния заканчивается. Угрозы посыпались в почту компании. Судебные иски. Санкции. Я игнорировал всё. Мы начали сотрудничество с государством. Охрана технологии стала вопросом национальной безопасности. Конвои. Спецсвязь. Закрытые каналы продаж. Первые покупки начались сразу. Очереди у магазинов. Сайты ложились от нагрузки. Блогеры и обзорщики получили первые экземпляры. Тесты показали невозможное. Рендеринг фильмов за секунды. Взлом шифров (в тестовой среде) за минуты. ИИ, работающий локально, без облака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.